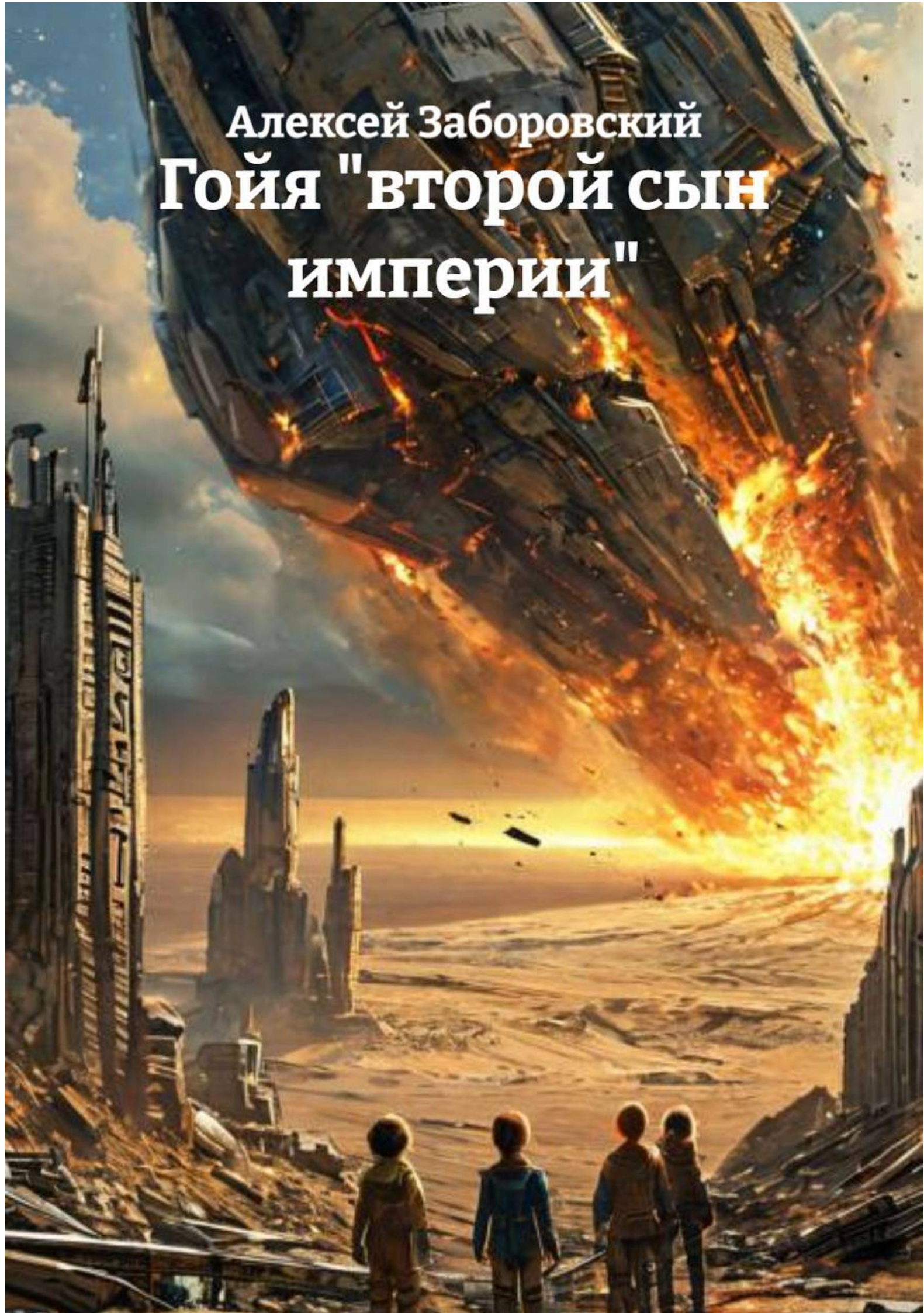

Алексей Заборовский
**Гойя "второй сын
империи"**

Алексей Заборовский

Гойя "второй сын империи"

«Автор»

2026

Заборовский А. О.

Гойя "второй сын империи" / А. О. Заборовский — «Автор»,
2026

В галактике, где много лет длится бесконечная война, выживание зависит от двух ресурсов: сталь Империи и газ Коалиции. Никто не может победить — победа означает смерть. Три брата Гой — генерал, теряющий человечность; командир «Поглотителей», прячущий боль за улыбкой; и гениальный инженер, строящий корабль, способный изменить всё. Их судьбы переплетаются с запретной любовью, предательством и страшным открытием: Империя научилась превращать души живых существ в планетарные снаряды. Смогут ли братья сохранить друг друга, когда цена мира — миллионы жизней? И что останется от них, когда война наконец закончится?

© Заборовский А. О., 2026

© Автор, 2026

Алексей Заборовский

Гойя "второй сын империи"

ГЛАВА 1. НЕБО ПАДАЕТ

Планета Ласс, система Двух звезд

Территория Коалиции.

Они играли в руинах. Это было лучшее место для игр во всем секторе – так считал Ланс, а Ланс был самым старшим, ему уже исполнилось одиннадцать, и он разбирался в таких вещах. Руины тянулись на километр вдоль русла пересохшей реки: остовы зданий, искривленные балки, плиты облицовки, которые можно было ставить домиком. Когда-то здесь был завод. Теперь здесь был рай.

– Ланс, смотри!

Визгливый голос принадлежал Мирре. Она стояла на краю огромной воронки, оставшейся от бомбы пятилетней давности, и показывала пальцем вниз. Ланс нехотя оторвался от планшета – экран давно погас, но если нажимать кнопку сбоку, иногда загоралась подсветка, и можно было играть, будто листаешь настоящие страницы.

– Ну что там?

– Там ящерица! Зеленая!

Ланс вздохнул. Ящерицы. Вечно эти мелкие тащат его смотреть на ящериц.

Но он все равно подошел. Потому что был старший. Потому что мама сказала: «Присмотри за ними». Потому что если не подойдет, они начнут канючить, а потом кто-нибудь упадет в воронку и сломает ногу, и тогда придется тащить его на себе полтора километра до убежища, а это солнце уже садится, и скоро патрули, и вообще...

– Красивая, – сказал Ланс, заглянув вниз.

Ящерица и правда была красивой. Переливчато-зеленая, с синими пятнами на спине, размером с палец. Она сидела на камне и грелась в лучах заходящего светила.

– Можно ее поймать? – спросила Мирра.

– Нельзя. Она ядовитая.

– Откуда ты знаешь?

– У нее пятна синие. Все, у кого пятна синие, ядовитые.

Мирра посмотрела на него с уважением. Ланс знал всё. Ланс был умный.

Они стояли на краю воронки, и ветер трепал их волосы, пахло сухой травой и ржавчиной, и было почти мирно, как бывает только в те редкие часы, когда не стреляют и можно вылезти наружу.

А потом небо взорвалось. Это был не звук. В космосе нет звука, это Ланс знал точно, им в школе рассказывали. Но свет – свет был.

Огненная вспышка разорвала сумерки, белая в центре, оранжевая по краям, огромная, как второе солнце. Она распухла за секунду, выбросила во все стороны ослепительные нити и начала гаснуть, оставляя после себя черный дымный след там, где никакого дыма быть не могло, потому что в космосе нет воздуха, но Ланс все равно видел его – дым, копоть, пепел, повисающий в пустоте.

– Ого, – выдохнул кто-то сзади.

Кир обернулся. Мелкие повылазили отовсюду. Йен, которому шесть, вылез из-под плиты, где строил город из камешков. Близняшки Лин и Лан, обе в одинаковых серых платьях,

замерли с открытыми ртами. Даже вечно хмурый Келл, который ни во что не играл, а просто сидел в тени и строгал палочку, поднял голову к небу. Они смотрели. Все смотрели.

Война была частью их жизни, как солнце или дождь. Она гремела где-то далеко, за горизонтом, или близко, над головами, но всегда – часть фона. Как дыхание. Как биение сердца.

– Ланс, – позвал Йен, дергая его за рукав. – Ланс, а что это?

Ланс пожал плечами.

– Корабль взорвался, наверное.

– Чей?

– Не знаю. Наш или ихний.

Это было главное различие во всем мире. Наши и ихние. Наши – это Коалиция. Ихние – это Империя. Наши хорошие, ихние плохие. Наши защищают, ихние нападают. Ланс знал это с пеленок. Это знали все.

– А почему он взорвался? – не унимался Йен.

– Потому что стрельнули, – терпеливо объяснил Кир. Он вдруг почувствовал себя почти взрослым. Объяснять мелким, как устроен мир, было приятно. – Это война. Наши стреляют в ихних, ихние стреляют в наших. Иногда попадают.

Вторая вспышка. Третья. Небо загорелось десятками огней – маленьких, быстрых, как падающие звезды, только падали они не вниз, а в стороны, разбегались по куполу неба, оставляя за собой светящиеся хвосты.

– Красиво, – сказала Мирра.

Ланс кивнул. И правда красиво. Как праздник. Как салют, про который рассказывала бабушка. До войны, говорила она, люди жгли в небе фейерверки. Просто так. Чтобы было красиво.

Ланс не очень понимал, зачем жечь фейерверки просто так, если можно смотреть на войну. Война была лучше. Война была настоящая.

– А куда они падают? – спросила Лин или Лан. Ланс вечно их путал.

– Никуда. Они в космосе. Это далеко.

– Очень далеко?

– Очень. Туда лететь всю жизнь.

– А почему мы тогда видим?

– Потому что... ну потому что видно. Свет же.

Взрывы продолжались. Ланс насчитал уже семь, но сбился, потому что они начали сливаться. Где-то там, над их головами, на невообразимой высоте, умирали корабли и люди. А здесь, на планете Ласс, стояли дети и смотрели, задрав головы, как смотрят на грозу или на северное сияние.

Ланс вспомнил, как отец уходил на войну. Ему тогда было семь. Отец поцеловал его в лоб, поцеловал маму, погладил по голове маленькую Мирру, которой тогда было всего два, и сказал: «Я скоро вернусь». Это было четыре года назад.

Ланс иногда думал: может, отец там, наверху. Может, это его корабль сейчас взрывается красивыми огнями. Но думать так было почему-то страшно, и Кир старался не думать.

– Ланс! – Йен снова дергал за рукав. – Ланс, смотри! Большой!

Ланс посмотрел. Из огненного месива в вышине выползло что-то огромное. Оно было черным, с красными проблесками по бортам, и оно разламывалось. Медленно, величественно, как умирающий зверь, корабль терял куски обшивки, извергал клубы газа, кренился на бок.

– Это флагман, – выдохнул вдруг Келл.

Все обернулись к нему. Келл вообще редко говорил. А если говорил, то по делу.

– Чего? – переспросил Кир.

– Флагман, – повторил Келл. Он смотрел в небо, и лицо у него было какое-то... застывшее. – Я такие в учебнике видел. Это «Стойкий». Класс «Дредноут». Флагман ударной группы Империи.

– Откуда ты знаешь?

– По форме. Видишь нос? Треугольный. И эти штуки по бокам – гравитационные стабилизаторы. Только у «Стойкого» такое расположение.

Мирра смотрела на Келла круглыми глазами.

– Ты что, все корабли знаешь?

– Некоторые, – буркнул Келл и снова уткнулся в свою палочку.

Но Ланс уже не слушал их. Он смотрел на умирающий корабль и вдруг почувствовал что-то странное. Не страх. Не жалость. Что-то другое. Корабль падал. Не в космосе – вниз. К ним.

– Ланс... – голос Мирры стал тонким. – Ланс, он же падает?

– Не сюда, – уверенно сказал Кир. – До нас далеко. Вон за те холмы.

Он показал рукой. Корабль и правда летел к горизонту, к гряде холмов, за которой началась пустыня. До них было километров пятьдесят, не меньше.

– Но он же упадет, – сказала Лин. – Там же люди.

– Там наши, – поправил Ланс. – Имперцы. Враги.

– А-а, – протянула Лин, и в ее голосе не было ничего, кроме понимания. Враги. Ну да. Враги должны умирать.

Корабль все падал. Медленно, как во сне. От него отделялись мелкие точки – может, обломки, может, спасательные капсулы. Одна из точек вспыхнула ярко-синим и исчезла.

– Ланс, а у них там кто?

– Что?

– На корабле. Кто там?

Ланс задумался. Он плохо знал иерархию Империи. Этому в школе не учили, это было неважно.

– Командир какой-нибудь, – сказал наконец. – Не главный, наверное. Главные далеко.

Келл вдруг поднял голову от своей палочки. Его лицо побледнело.

– Ланс.

– Чего?

– Дай планшет.

– Зачем?

– Дай, говорю.

Ланс протянул ему планшет. Келл нажал кнопку сбоку, подождал, пока загорится подсветка. Потом быстро, как учили в школе, набрал на тусклом экране несколько символов – запрос в инфосеть. Планшет пискнул, показывая, что сеть ловит, но сигнал слабый. Келл подождал. Нажал еще раз. Подождал. Экран мигнул и выдал картинку.

Кир заглянул через плечо. На картинке был человек. Сухое, жесткое лицо, седые виски, форма Империи с множеством нашивок. Подпись внизу гласила: *«Карс Рик. Командующий ударной группой "Семь". Личный состав: 47 000. Ближайший сподвижник генерала Гоя. Степень угрозы: максимальная»*.

– Это же... – начал Ланс.

– Это его корабль, – перебил Келл. Голос у него дрогнул. – «Стойкий» – это его флагман. Карс Рик. Тот самый Карс. Который... который...

Он не договорил. Но Ланс понял. Карс был известен. Не у них, в Коалиции – тут его ненавидели. Но ненавидели так, как ненавидят стихийное бедствие. С ужасом. С уважением. Карс выжег три планеты. Карс не брал пленных. Карс был правой рукой генерала Гоя, самого страшного и успешного сейчас человека во всей войне.

И его корабль сейчас разламывался у них над головами.

– Ничего себе, – выдохнул Ланс. – Вот это да.

В небе продолжалась битва. Маленькие корабли кружились в безумном танце, выбрасывая очереди трассеров. Большие горели, как факелы. Где-то там, в этом хаосе, умирали люди – «наши» и «ихние», хорошие и плохие, свои и чужие.

А дети стояли на краю воронки и смотрели.

– Интересно, – задумчиво сказала Мирра, – а если этот Карс там, внутри, он уже умер?

– Наверное, – ответил Ланс.

– Жалко, – сказала Мирра.

Все посмотрели на нее.

– Чего? – удивилась она. – Я не его жалею. Я вообще. Он же важный. Если он умрет, наши обрадуются. Это же хорошо?

– Хорошо, – кивнул Ланс. – Конечно, хорошо.

Но почему-то внутри у него шевельнулось что-то неприятное. Он посмотрел на Келла. Келл смотрел в небо, и лицо у него было уже не испуганное, а злое. На палочку свою он даже не смотрел – сжимал ее так, что она, кажется, треснула.

– Келл, ты чего?

– Ничего.

– Чего злой?

Келл молчал долго. Потом сказал, глядя в сторону:

– У меня брат там.

– Где?

– Там. – Келл мотнул головой вверх. – На станции «Ларс-7». Это которая над нами висит. Его призвали в прошлом месяце.

Ланс посмотрел вверх. Станцию не было видно – слишком высоко. Но он знал, что она там. Все знали.

– Он не на том корабле, – неуверенно сказал Ланс. – Тот, который падает, имперский.

– Ага. – Келл сплюнул. – А на станцию сейчас как раз имперцы и нападают.

Он развернулся и пошел прочь от воронки, в сторону убежища.

– Келл, ты куда?

– Домой.

– А мы?

– Идите за мной. Хватит уже на войну смотреть.

Ланс посмотрел на небо. Битва разгоралась. Огней стало больше, они сливались в сплошное зарево. Где-то там, высоко-высоко, станция «Ларс-7» принимала бой. И на станции были люди. И среди них – брат Келла. Который, может быть, прямо сейчас смотрел в иллюминатор на приближающиеся корабли и думал то же, что Кир думает сейчас: красиво. Война была красивой, если смотреть снизу.

Только тем, кто наверху, было не до красоты.

– Пошли, – сказал Ланс и взял Мирру за руку. – Правда, хватит.

Они пошли к убежищу. Маленькая процессия – Ланс впереди, за ним Мирра, близняшки, Йен. Келл шагал отдельно, ссутулившись, глядя себе под ноги. А над ними, закрывая звезды, горели корабли. И никто не плакал. Потому что война была частью жизни. Как солнце. Как дождь. Как дыхание.

Только дыхание иногда останавливается.

ГЛАВА 2. ЦЕНА ВОПРОСА

Флагман «Несгибаемый»

На орбите планеты Ласс

Генерал Гой стоял на мостике и смотрел на экран.

Картинка транслировалась с разведывательного дрона: планета Ласс, система Двух звезд, территория Коалиции. Зеленый шар с прожилками рек и россыпью городов у экватора. Красивая планета. Живая. На такой приятно жить. И умирать.

– Доклад по флангам, – сказал Гой, не оборачиваясь.

Офицер связи за его спиной зашелестел планшетом.

– Первая ударная завершила зачистку сектора «Гамма». Потери: три эсминца, семь фрегатов. Противник уничтожен полностью. Вторая ударная... – он запнулся.

Гой ждал.

– Вторая ударная встречает жесткое сопротивление. «Ларс-7» активировал резервные батареи. Мы не ожидали, у них по документам...

– Меня не интересует, что у них по документам, – перебил Гой. – Меня интересует, высадился ли Волик.

– Связи с десантной группой пока нет. Они вошли в зону глушения.

Гой молчал. На экране планета медленно поворачивалась, подставляя солнцу другое полушарие. Где-то там, внизу, десять тысяч его солдат сейчас падали в атмосферу в капсулах, и каждая третья могла не долететь.

– Генерал, – подал голос тактический офицер. Молодой, нервный. Тот самый, что спрашивал про бухгалтерию в прошлый раз. – У нас потери растут. Может, стоит перебросить подкрепление к «Ларсу»?

– Нет.

– Но если они не продавят оборону...

– Они продавят. – Гой даже не повернулся. – «Ларс-7» – это станция снабжения. Они будут отбиваться ровно до того момента, как у них кончатся снаряды. А снарядов у них на два часа активного боя. Через час сорок станция замолчит. Мы подождем.

– Но наши люди гибнут сейчас...

– Люди гибнут всегда. – Гой наконец обернулся. – Если я пошлю подкрепление сейчас, они попадут под перекрестный огонь и погибнут тоже. А заодно лишат меня возможности ударить по планетарным батареям, когда те откроются. У тебя есть другие предложения?

Офицер молчал, побледнев.

– Я спросил, есть ли у тебя другие предложения?

– Нет, генерал.

– Тогда закрой рот и считай.

Гой снова отвернулся к экрану. Наступила тишина, нарушаемая только тихим гулом двигателей и далекими сигналами тревоги – где-то в хвосте корабля заканчивали тушить пожар, вспыхнувший после попадания случайного снаряда. И в этой тишине раздался голос.

– Генерал.

Гой узнал голос. Лейтенант Вейс, начальник связи. Девушка лет двадцати пяти, способная, хладнокровная, но сейчас в ее голосе было что-то странное. Что-то, чего Гой не слышал раньше.

– Докладывай.

– «Стойкий». Флагман ударной группы «Семь

Гой ждал.

– Прямое попадание в реакторный отсек. Корабль теряет герметичность. Командование переходит на... – она запнулась. – Командование переходит на резервный фрегат, но связи с мостиком «Стойкого» нет. Последние данные телеметрии указывают на критическое повреждение гравитационной системы.

– То есть?

– То есть... – Вейс сглотнула. – Корабль падает на планету, генерал. «Стойкий» падает на Ласс.

Мостик замер. Гой не шелохнулся. Он продолжал смотреть на экран, на зеленый шар Ласса, на дымные разводы облаков над экватором.

– Понятно, – сказал он.

И замолчал. Секунды тянулись. Десять. Двадцать. Тридцать. Все на мостике смотрели на генерала. На его широкую спину, на руки, сцепленные за спиной в привычном жесте. Он ничего не сказал.

Ни слова. Ни вопроса.

– Генерал, – осторожно начала Вейс. – На «Стойком» оставалось сорок семь тысяч человек. Среди них командующий Карс.

– Я знаю, кто такой Карс, – ответил Гой.

– Но... – Вейс запнулась. – Вы не хотите... может быть, отправить спасательную группу? Или хотя бы запросить данные...

– Спасательную группу? – Гой повернулся к ней. – Ты предлагаешь мне отправить корабли в зону активных боевых действий, где враг только что сбил один из лучших дредноутов флота, чтобы попытаться спасти людей, которые, скорее всего, уже мертвы?

– Но Карс – ваш...

– Мой кто? – перебил Гой. Голос его был ровным, как лезвие. – Друг? Товарищ? Соратник? Карс – командующий ударной группы. Он получил приказ прикрывать десант. Он его выполнял. Он погиб при исполнении. Это война, лейтенант. Здесь не хоронят друзей. Здесь считают потери.

Вейс побледнела. Тактический офицер смотрел в пол. Остальные отводили глаза. На мостике повисла тишина, тяжелая, как свинец. Гой снова отвернулся к экрану.

– У нас есть данные по десанту? – спросил он, и в голосе не дрогнуло ни одной ноты.

Вейс открыла рот, закрыла, снова открыла. Ей потребовалось три секунды, чтобы взять себя в руки.

– Связи пока нет. Зона глушения сохраняется.

– Отслеживать каналы. Доложить в момент появления сигнала.

– Есть.

Гой смотрел на планету. Где-то там, в атмосфере, сейчас горел «Стойкий». Сорок семь тысяч человек. Карс. Карс, с которым они начинали эту войну семь лет назад. Карс, который прикрыл его спину в сотне сражений.

«Стойкий» падал вниз, в зеленую красивую атмосферу, и через несколько минут корабль размажет по поверхности Ласса, как каплю ртути.

Гой моргнул. И продолжил смотреть на экран.

– Генерал, – подал голос тактический офицер. Тот самый, молодой. Голос у него дрожал, но он все-таки решился. – Простите... я не понимаю.

– Чего именно?

– Карс. Он же... он же был вашим... – офицер запнулся, подбирая слово. – Он был с вами всегда. Все эти годы. И вы даже не спросили, успел ли он спастись. Вы даже...

– Даже что?

– Вы даже не вздохнули.

Гой посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. Офицер выдержал. Может, от отчаяния. Может, от глупости. Может, от того, что внутри у него все горело от несправедливости происходящего.

– Как тебя зовут? – спросил Гой.

– Лейтенант Эйдан, генерал.

– Сколько тебе лет, лейтенант?

– Двадцать два.

– Двадцать два, – повторил Гой. – Ты родился, когда война шла, как и каждый из нас. Ты никогда не видел мира. Ты знаешь только это. И ты до сих пор не понял самого главного.

– Чего, генерал?

Гой шагнул к нему. Ближе. Еще ближе. Эйдан не отступил, хотя, наверное, хотел.

– Друзей в битве не существует, – сказал Гой тихо. – Есть только солдаты. Солдаты, которые выполняют приказы. Солдаты, которые гибнут. Солдаты, которые остаются. Карс выполнял приказ. Карс погиб. Если я сейчас начну переживать, если я сейчас отправлю спасательную группу, если я сейчас потеряю хоть минуту на сантименты, десант Волика останется без прикрытия. И тогда десять тысяч моих солдат погибнут зря. А Карс погиб бы зря. Ты понимаешь?

Эйдан молчал.

– Я спросил, ты понимаешь?

– Да, генерал.

– Что ты понимаешь?

– Что... что нельзя жалеть.

– Нельзя тратить ресурсы, – поправил Гой. – Жалеть можно. Внутри. Я жалею. Но мое сожаление не стоит жизни десяти тысяч человек. Мое сожаление не стоит провала операции. Мое сожаление – это мое личное дело. И оно не должно влиять на командование. Ты понял?

– Да, генерал.

– Повтори.

– Нельзя... нельзя тратить ресурсы на личное.

Гой отступил на шаг. Кивнул.

– Хорошо. А теперь займись делом. Связь с Воликом нужна мне немедленно.

Эйдан кинулся к своему посту. Вейс уже колдовала над приборами, пытаясь пробиться сквозь глушение.

Прошло еще две минуты. Сорок семь тысяч человек, падающих в атмосферу. Десять тысяч человек, пытающихся прорваться сквозь огонь. Одна планета, которую нужно захватить. Одна война, которую нужно выиграть.

– Генерал! – голос Вейс прозвучал как выстрел. – Сигнал! Десантная группа на связи!

– На экран.

Экран мигнул, переключился с вида планеты на изображение.

Капитан Волик смотрел на них сквозь помехи.

Он был молод – лет тридцать, не больше, но выглядел старше. Лицо в копоти, на лбу запеклась кровь, левая бровь рассечена. Глаза горели. За его спиной мелькали огни – капсулы падали, двигатели ревели, где-то стреляли.

– Генерал! – голос Волика пробивался сквозь треск. – Высадка началась! Первая волна пошла! Потери при входе – семнадцать процентов, но это в пределах нормы! Мы на поверхности! Мы...

Экран мигнул, изображение на секунду пропало, потом вернулось.

– ...захватываем плацдарм! Противник в шоке, они не ждали десанта в этом секторе! Через час доложу о захвате первой цели!

Гой смотрел на экран. На этого молодого, грязного, живого капитана, который только что сделал невозможное.

– Принято, капитан, – сказал Гой. Голос его был ровным, как всегда. – Действуйте по плану. Удачи.

– Спасибо, генерал! – Волик козырнул. – Мы не подведем, Гой!

Связь прервалась. И тогда, на глазах у всего мостика, генерал Гой сделал нечто неожиданное.

Он опустился в командное кресло. Просто сел. Медленно, тяжело, как будто у него вдруг кончились силы. Сел и закрыл глаза на секунду. Всего на секунду.

А когда открыл, лицо его было прежним – каменным, непроницаемым.

– Вейс.

– Да, генерал?

– Продолжайте отслеживать частоты десанта. Эйдан.

– Да, генерал?

– Готовьте данные по потерям. К концу смены мне нужен полный отчет.

– Есть.

Гой встал. Снова подошел к экрану. Планета Ласс медленно поворачивалась под ним. Где-то там, в ее атмосфере, догорали обломки «Стойкого».

– Сорок семь тысяч, – тихо сказал Гой. Ни к кому не обращаясь. Просто сказал.

И замолчал. А на мостике стояла тишина. Тишина, в которой каждый вдруг понял что-то важное. Что-то, чего не объяснить словами.

Генерал Гой пожалел своего друга. Он просто не имел права это показывать.

ГЛАВА 3. УРАВНЕНИЕ ВЫЖИВАНИЯ

Месяц спустя.

Система Когг, окраина Империи

Стандартный цикл 11.347 войны

Корабль назывался «Терпеливый».

Генерал Гой стоял на мостике и смотрел, как умирает планета. Она была маленькой, серо-голубой, с одной единственной луной, похожей на прищемленный палец. Чужой мир. Враждебный мир. Мир, на котором жили люди Коалиции. Впрочем, уже не жили.

– Атмосфера стравлена на семьдесят три процента, – доложил тактический офицер. Голос у него был ровный, как линия кардиографа мертвеца. – Корабли прикрытия противника уничтожены. Сопротивление прекращено. Гой кивнул.

Он не чувствовал ничего. Ни торжества, ни горечи, ни даже обычной после боя пустоты. Четыреста миллионов беженцев, подумал он механически. Плюс-минус двадцать. Цифры, которые невозможно осмыслить, поэтому никто и не пытался. Их просто записывали в отчет.

– Генерал, – голос офицера дрогнул. – Приказ на финальную фазу?

Гой повернул голову. Офицеру было лет двадцать. Молодой.

– Ждем, – сказал Гой.

Они ждали. В пустоте, в тишине, в мерцании аварийных маяков над разоренным миром. Ждали, потому что ритуал требовал выдержки.

Через сорок семь минут из тени газового гиганта вышел буксир.

Он был огромен. Бесформенная конструкция из двигателей, тросов и гравитационных захватов, собранная без малейшей заботы об эстетике. Такие корабли не строили – их выращивали, наращивая функциональные блоки как раковые опухоли. Буксир тащил планету.

Гой знал этот класс. «Тащи́лы», называли их в войсках. Они брали миры, лишённые жизни, мертвые каменные шары, и волокли их через космос месяцами, годами, десятилетиями. Буксир, который сейчас приближался к системе Когг, шел сюда три стандартных года. Его груз – безымянная скала, богатая залежами иридия и вольфрама – должен был стать сырьем для следующих десяти кораблей Империи. Но это была не просто руда.

Гой смотрел, как буксир сближается с агонизирующей планетой Коалиции. Как расчетные группы наводят захваты. Как начинается медленный, чудовищный танец, в котором два небесных тела меняются местами.

Планету Коалиции утащат в сторону утилизационных доков. Ее кору переплавят на броню. Ее мантию пробурят в поисках редких элементов. Ее ядро, возможно, используют как гравитационный стабилизатор для новых верфей. А на ее орбиту, на ее место в этой пустой, никому не нужной системе, буксир поставит, новый мир.

Мертвый мир. Пустой мир. Мир Империи.

Гой вдруг вспомнил, как в детстве они с Нананом играли в шахматы. Нанан всегда пытался захватывать фигуры. Красиво, эффектно, с улыбкой. А Гой просто перекрывал линии. Ему не нужны были чужие фигуры. Ему нужно было, чтобы у противника не осталось ходов.

– Генерал, – снова подал голос молодой офицер. – Я не понимаю. Мы же могли просто забрать ресурсы с этой планеты. Зачем... зачем мы ее уничтожаем? Зачем притащили сюда другой мир?

Гой молчал долго. Так долго, что офицер уже решил, что ответа не будет.

– Ты знаешь, как мы воюем? – спросил наконец Гой. – Нет, не так. Ты знаешь, почему мы вообще воюем?

– Потому что Коалиция напала первой? Потому что они хотят уничтожить Империю?

Гой усмехнулся. Коротко, без веселья.

– Коалиция напала первой восемьсот лет назад, – сказал он. – С тех пор сменилось много поколений. Никто уже не помнит, кто на кого напал. Даже архивы врут.

Он шагнул ближе к обзорному экрану. Буксир уже заканчивал манипуляции. Два мира медленно расходились в разные стороны – один на смерть, другой на временное пристанище.

– У нас есть сталь, – тихо сказал Гой. – Барк-сталь. Сверхплотная, из нее можно построить корабль, который не пробьет практически ни один снаряд. Без нашей стали флот Коалиции рассыплется за год.

– Это хорошо?

– Это никак. Потому что у Коалиции есть эмириум. Ты знаешь, что это?

– Газ, – неуверенно ответил офицер. – Для прыжковых двигателей.

– Для пилотов, – поправил Гой. – Для людей. Без эмириума каждый сверхсветовой прыжок – это лотерея. У кого-то мозг сворачивается в трубочку. У кого-то сердце останавливается. Кто-то просто сходит с ума и стреляет в своих. Эмириум гасит в том числе и эти эффекты. Без него мы не можем перемещаться между системами. Мы заперты здесь, на этой скале, пока не содохнем от голода или радиации.

Офицер молчал, переваривая.

– Мы не можем победить, – сказал Гой. – Если мы просто уничтожим Коалицию, мы потеряем доступ к эмириуму. Наши пилоты перестанут летать. Наша империя рассыплется за десятилетие. Если Коалиция уничтожит нас, они потеряют сталь. Их корабли станут хрупкими, как стекло. Их раздавят другие враги, которых у них полно.

– Так... это бесконечно?

– Это симбиоз, – Гой почти выплюнул это слово. – Мы нужны друг другу как воздух. Но торговать мы не можем. Торговля требует доверия. А доверия нет уже восемьсот лет. Слишком много мертвых с обеих сторон. Слишком много ненависти. Каждый ребенок в Империи учит в школе: Коалиция – это зло, они убили твоих прапрапрадедов. И у них то же самое.

– Тогда... тогда зачем мы воюем?

Гой посмотрел на юного офицера с чем-то похожим на жалость.

– Чтобы выжить, – сказал он. – Мы не воюем, чтобы победить. Мы воюем, чтобы удержать равновесие. Мы бьем ровно настолько, чтобы они не окрепли настолько, чтобы уничтожить нас. Они делают то же самое. Каждое сражение – это танец. Каждая смерть – это бухгалтерия.

– И так всегда будет?

– Пока ресурсы не кончатся, – Гой пожал плечами. – Или пока кто-нибудь не придумает, как синтезировать чужой ресурс. Но над этим работают лучшие умы обеих сторон, и пока безуспешно. Так что да. Всегда.

Буксир закончил работу. На экране загорелась зеленая метка: операция завершена. Система Когг теперь официально принадлежала Империи. Мертвая система с мертвой планетой, поставленной на место другой мертвой планеты.

– Мой брат, – вдруг сказал Гой, и офицер вздрогнул от неожиданности. Генерал никогда не говорил о личном. – Нанан. Это его буксир. Он командует «Поглотителями». Знаешь, что он сказал мне в прошлый раз?

– Нет, генерал.

– Он сказал: «Мы таскаем миры, чтобы однажды не пришлось таскать». Думает, что его работа приближает мир. Глупый.

– Почему глупый?

Гой повернулся к офицеру, и тот сделал шаг назад. В глазах генерала не было злости. Там была только бездна.

– Потому что мира не будет, – сказал Гой. – Никогда. Мы можем только выбирать, как именно умирать. Медленно, в мутациях от радиации без эмириума, или быстро, под снарядами врага, которым не хватило нашей стали. Я выбираю быстро.

Он отвернулся к экрану.

– Прикажите флоту возвращаться на базу. Коалиция ответит. Через месяц, через два. Они придут в другую систему и убьют столько наших, сколько сочтут нужным для баланса. А мы сделаем вид, что это трагедия, и пошлем новые корабли на новые смерти.

– И... и так всегда?

– Всегда, – подтвердил Гой. – Добро пожаловать на войну, лейтенант. Которая никогда не кончится.

«Терпеливый» развернулся и начал долгий путь домой. В рубке было тихо. Только приборы мерно отсчитывали пройденные парсеки.

Гой смотрел на звезды и думал о брате. О Нанане, который все еще верит, что можно что-то изменить. О Нанане, который тащит мертвые миры через пустоту и думает, что строит будущее.

Отец говорил: «Нанан – душа семьи. Гой – ее меч».

Мать поправляла: «Нанан – надежда. Гой – гарантия».

Гой никогда не спрашивал, что чувствует меч. Это было неважно. Важно было только уравнение.

Сталь Империи против газа Коалиции. Восемьсот лет баланса. Миллиарды мертвых.

И бесконечная война, в которой никто не может победить, потому что победа равна смерти.

Корабль уходил в гиперпространственный прыжок. Эмириум в двигателях горел ровным синим пламенем. Газ, добытый на планетах врага, купленный кровью своих солдат, вез Гоя домой.

К девушки, которую он еще не знал, что потеряет. К разлому, который расколется Империю сильнее, чем любой вражеский флот. Но это будет потом.

А пока генерал Гой, самый успешный военачальник шестнадцатого этапа войны, просто смотрел на звезды и считал. Люди, корабли, ресурсы, потери.

Бухгалтерия бесконечности.

ГЛАВА 4. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Система Империи, планета Харран

Шесть месяцев спустя после событий на Лассе

Стандартный цикл 11.347 войны.

«Терпеливый» вынырнул из прыжка в двадцати тысячах километров от станции «Врата».

Гой смотрел на знакомые очертания космического порта чувствовал усталость и радость. Огромный город-станцию, опоясывающую планету Харран по экватору, называли «Золотым поясом» – из-за цвета защитных щитов, которые действительно отливали желтизной на солнце. Красиво. Бесполезно. Просто еще одна конструкция, которую когда-нибудь придется защищать или уничтожать.

– Генерал, – Вейс, все еще при нем, все такая же хладнокровная, подошла с планшетом. – Прибыл сопроводительный эскорт. Адмиралтейство предлагает почетный караул при стыковке.

– Отказаться.

– Но это стандартный протокол для...

– Для кого? Для героев? Я не герой, Вейс. Я солдат, который вернулся с задания. Почетный караул – это трата времени и ресурсов.

Вейс кивнула, но в глазах мелькнуло что-то – то ли понимание, то ли усталость от этого вечного прагматизма. За полгода, что прошли после Ласса, она привыкла к Гою. Привыкла к тому, что он не позволяет себе ничего лишнего. Но иногда ей казалось, что это не дисциплина. Это броня. И броня эта трещит по швам.

– Есть еще одно, – сказала она, не поднимая глаз. – Ваш отец. Он на станции. Ждет личной встречи.

Гой замер.

– Отец?

– Да, генерал. Полковник Гойя прибыл два дня назад. Говорят, по личному распоряжению Совета.

– Совет не имеет права давать распоряжения моему отцу. Он в отставке.

Вейс пожала плечами:

– Я только передаю, что мне сообщили.

Гой молчал долго. Потом кивнул:

– Хорошо. Подготовьте катер. Я спущусь на планету один.

– Генерал, протокол безопасности требует...

– Требуется, чтобы генерал флота выполнял приказы, а не прятался за спины охраны от собственного отца. – Он почти усмехнулся. – Не волнуйся, Вейс. Мой отец страшнее любой бомбы, но он не стреляет в спину. Только в лицо.

Планета Харран, Имперский сектор

Резиденция семьи Гойя...

Отец ждал в саду. Сад был единственным местом в этой резиденции, которое Гой любил. Огромный купол из прозрачного бронестекла, под которым росли настоящие деревья – привезенные с трех разных планет, акклиматизированные, выжившие. Отец ненавидел сад. Говорил, что это баловство, что солдату не нужна красота, что мать просто транжирит деньги на свои прихоти. Но сад стоял. И деревья росли.

Гой вошел под купол и сразу увидел его. Полковник Варг Гойя, отставной командир штурмового батальона, ветеран сорока трех кампаний, обладатель девяти боевых наград и одного пожизненного презрения к сыну, стоял у старого дуба и смотрел на листья. Спина прямая, как штык. Седой ежик волос. Руки за спиной – та же привычка, что и у Гоя. Только у отца в этой позе было больше презрения, а у сына – больше усталости.

– Отец.

Варг обернулся. Глаза – светлые, почти прозрачные, как лед на озерах северного континента – окинули сына быстрым, цепким взглядом.

– Гой. – Без «сын», без «генерал». Просто имя. – Выглядишь паршиво.

– Спасибо за заботу.

– Это не забота. Это констатация. Ты не спал? Не ел? Под глазами мешки, как у торговца с базара.

– Я воевал, отец. У меня не было времени на косметические процедуры.

Варг хмыкнул. Подошел ближе. Теперь они стояли лицом к лицу – одинакового роста, одинаково широкие в плечах. Только у отца морщины глубже, а у сына – седины больше.

– Карс, – сказал Варг. – Я слышал.

Гой молчал.

– Хороший был солдат. Лучше тебя.

– Я знаю.

– Ты даже не попытался его спасти.

Гой посмотрел отцу в глаза. Ледяные, прозрачные, немигающие.

– Я выполнил задачу, – сказал он. – Десант высадился. Планета захвачена. Эмириум с Ласса пойдет на наши двигатели через полгода. Это стоило того.

– Сорок семь тысяч человек. Карс. Ты считаешь, это стоило того?

– Я считаю потери, отец. Ты меня этому научил.

Варг усмехнулся. Коротко, зло.

– Я научил тебя воевать. Я не учил тебя переставать быть человеком.

– Война не терпит человечности. Ты сам это говорил. Тысячу раз.

– Я говорил, что война не терпит слабости. – Варг шагнул еще ближе. – А ты перепутал слабость с человечностью. Ты думаешь, если ты не плачешь по друзьям, ты сильный? Ты просто пустой, Гой. Внутри у тебя уже ничего нет. Одна бухгалтерия.

Гой выдержал взгляд.

– Я делаю свою работу.

– Ты делаешь работу, которую тебе поручили. Это не одно и то же. – Варг отвернулся, снова уставился на дуб. – Знаешь, почему я ушел в отставку?

– Потому что Совет счел твои методы устаревшими.

– Потому что я однажды пожалел. – Варг положил ладонь на кору дерева, погладил, как живое существо. – Тридцать лет назад. Мы брали систему Ворд. Я потерял там батальон. Полностью. Три тысячи человек. И я остановился. На три часа. Приказал собрать тела. Приказал записать имена. Приказал отправить сообщения семьям, пока мы еще были на орбите. А потом пошел добывать врага.

– Ты нарушил приказ.

– Я нарушил приказ. И выиграл битву. А через год Совет отправил меня в отставку, потому что я «проявлял излишнюю самостоятельность». Но те три часа... – Он повернулся к сыну. – Те три часа я помню до сих пор. И каждое имя. И каждое лицо. И знаешь что? Я не жалею.

– Я не жалею о Лассе, – сказал Гой.

– Врешь. – Варг усмехнулся. – Ты жалеешь. Ты просто не позволяешь себе это признать. Но это не сила, Гой. Это трусость. Ты боишься, что если позволишь себе чувствовать, то развалишься. И поэтому ты сидишь внутри своей брони и считаешь, что ты прав.

Отец подошел к сыну вплотную. Положил руку ему на плечо. Тяжелую, жесткую, все еще сильную.

– Береги Нанана, – сказал он тихо. – Он другой. Он еще чувствует. И если ты его потеряешь так же, как Карса, ты действительно развалишься. Потому что тогда внутри тебя ничего не останется.

Гой молчал. Варг убрал руку. Отступил на шаг.

– Мать ждет тебя в большом зале. У нее к тебе разговор. Иди.

– О чем?

– Узнаешь. – Варг уже шел к выходу. – И Гой...

– Да?

– Нанан тоже здесь. Он вернулся с буксировки позавчера. Повидайся с ним. Пока не поздно.

Дверь за отцом закрылась. Гой остался один в саду, под деревьями, под стеклянным куполом, под чужим небом планеты, которую называл домом.

Гой смотрел на дуб. На листья. На то, как свет падает сквозь бронестекло. Сорок семь тысяч. Карс. Нанан.

Он вдруг понял, что очень устал. Так, как не уставал никогда за всю войну.

Большой зал резиденции...

Мать ждала его на возвышении, у окна, выходящего на закат.

Лана Гойя была красива. В пятьдесят семь она выглядела на сорок, и это не было случайностью – уход за собой, легкая косметическая коррекция, идеально подобранная одежда. Она происходила из старинного рода, который дал Империи трех адмиралов и двух министров, и никогда не позволяла никому забыть об этом.

– Гой. – Она улыбнулась. Тепло, матерински. – Наконец-то. Ты так редко бываешь дома.

– Война, мама.

– Война всегда. – Она махнула рукой, подзывая его ближе. – Иди сюда, дай посмотреть на тебя. Страшный какой. Не кормят тебя там, что ли?

– Кормят. Я просто...

– Ты просто забываешь есть. Знаю я тебя. – Она взяла его за руки, сжала. – Карс. Я слышала. Мне так жаль.

– Он выполнил долг.

– Он был твоим другом. Это важнее долга.

Гой промолчал. Лана вздохнула. Отпустила его руки. Отошла к окну, поправила складки платья.

– У меня для тебя новость, – сказала она. – Хорошая. Я надеюсь, ты обрадуешься.

– Какая?

– Мы женим Нанана.

Гой замер.

– Что?

– Женим, – повторила Лана, не оборачиваясь. – Невесту уже выбрали. Прекрасная девушка из дома Верховных координаторов. Молодая, красивая, образованная. Идеальная партия.

– При чем здесь я? – спросил Гой. Голос его звучал ровно, но внутри что-то начало сжиматься в тугой, холодный узел.

– При том, что ты старший брат. Ты должен благословить этот брак. По традиции.

– Традиции... – Гой шагнул к матери. – С каких пор тебя волнуют традиции? Ты хочешь породниться с Верховными координаторами. Это политика, мама. Не традиция.

– И политика, и традиция. – Лана наконец повернулась. – Нанан должен жениться. Ему нужна семья. А этот брак усилит наше положение в совете. Ты же хочешь, чтобы твой брат был счастлив?

– Я хочу, чтобы мой брат сам выбирал, с кем ему жить.

– Он согласен. – Лана улыбнулась. – Я уже говорила с ним. Он не против.

Гой смотрел на мать и вдруг понял, что его руки сжаты в кулаки. Он разжал их усилием воли.

– Кто она? – спросил он.

– Тебе понравится. – Лана подошла к столику, взяла планшет, протянула сыну. – Вот, посмотри.

Гой взял планшет. На экране была девушка. Темные волосы, собранные в строгую прическу. Серые глаза. Тонкие черты лица. Улыбка – сдержанная, чуть печальная.

Он знал это лицо.

Он знал эту улыбку.

Он знал эту девушку.

– Ее зовут Элира, – сказала Лана. – Двадцать семь лет. Единственная дочь Верховного координатора Ванна. Она...

– Я знаю, кто она, – перебил Гой.

Лана подняла бровь:

– Знаешь?

– Мы встречались. На приеме у адмирала Кора. – Гой смотрел на экран, не отрываясь. – Я говорил с ней. Танцевал с ней. Мы переписывались полгода.

– О. – Лана помолчала. – Я не знала.

– Ты не знала, потому что я тебе не говорил. – Гой отдал планшет. Движение было резким, почти грубым. – А теперь ты отдаешь ее Нанану.

– Гой, я не знала, что у вас что-то было. Вы даже не...

– Не важно, что у нас было. Важно, что она – невеста моего брата. А я – генерал, который должен это благословить.

Лана смотрела на сына. В ее глазах мелькнуло что-то – может быть, сожаление, может быть, расчет.

– Ты сможешь? – спросила она тихо. – Благословить?

Гой молчал долго. Так долго, что за окном закат почти погас, и комната погрузилась в сумерки.

– Я солдат, – сказал он наконец. – Я выполняю приказы.

– Это не приказ. Это просьба.

– Твои просьбы всегда были приказами, мама. Ты просто не любишь в этом признаваться. Он повернулся и пошел к выходу.

– Гой, – окликнула Лана. – Ты увидишься с Нананом? Он в восточном крыле.

– Увижусь.

– И... ты правда сможешь? Быть рядом с ними? Не показывать, что...

– Я всегда могу не показывать, мама. – Он не обернулся. – Я этому у вас научился. Дверь закрылась.

Восточное крыло, комната Нанана...

Гой шел по коридору и чувствовал, как внутри нарастает что-то тяжелое, горячее. Он не позволял этому выйти наружу. Никогда не позволял. Но сейчас это было трудно – труднее, чем на Лассе, труднее, чем когда падал «Стойкий».

Элира. Он помнил ее смех. Помнил, как она смотрела на звезды в том саду, на том приеме, три года назад. Помнил, как она сказала: «Вы странный, генерал. Вы говорите о войне, как о математике. Но в глазах у вас – поэзия». Он тогда рассмеялся. Редкий случай. Он вообще редко смеялся.

А теперь она выйдет за Нанана. За его брата.

Который моложе. Который добрее. Который, умеет чувствовать и не прячет это за броней.

Гой остановился перед дверью. Постоял. Перевел дыхание. Постучал.

– Войдите! – голос Нанана был светлым, как всегда. Живым.

Гой вошел. Нанан сидел на подоконнике, поджав ноги, и смотрел в планшет. Он был похож на мать – та же тонкость черт, те же темные волосы, те же быстрые, живые глаза. Увидев брата, он улыбнулся – широко, искренне, радостно.

– Гой!

Соскочил, подбежал, обнял. Гой позволил себя обнять. Одна секунда. Две. Потом мягко отстранил.

– Здравствуй, Нанан.

– Ты вернулся! Я слышал про Ласс. Говорят, ты там такое устроил... – Нанан осекся. – Прости. Я слышал про Карса. Мне так жаль.

– Я в порядке.

– Врешь. – Нанан улыбнулся, но в глазах была тревога. – Ты никогда не в порядке после таких потерь. Ты просто не показываешь.

– Ты меня знаешь.

– Лучше всех. – Нанан взял брата за руку, потянул к креслам. – Садись. Рассказывай. Я три года таскал эту дурацкую планету, совсем отвык от нормальных разговоров.

Гой сел. Посмотрел на брата.

– Я слышал, ты женишься.

Нанан замер. Опустил глаза.

– А. Ты уже знаешь.

– Мать сказала.

– И... – Нанан поднял взгляд. – И что ты думаешь?

– Я думаю, что ты взрослый человек. Ты сам должен решать.

– Это политика, Гой. Ты же знаешь. Я не могу просто взять и...

– Можешь. – Гой наклонился вперед. – Ты всегда можешь. Если не хочешь, скажи им. Я поддержу.

Нанан смотрел на брата с удивлением.

– Ты? Поддержишь? Против воли матери? Повторится судьба Тира.

– Я всегда на твоей стороне, Нанан. Ты же знаешь.

– Знаю. – Нанан улыбнулся. – Просто ты редко это говоришь.

– Я не умею говорить. Я умею делать.

Они помолчали. В комнате было тихо, только где-то далеко гудели двигатели – город никогда не спал, даже ночью.

– Я согласился, – сказал Нанан тихо. – Не потому, что мать заставила. А потому что... потому что она хорошая. Элира. Я видел ее. Говорил с ней. Она умная, добрая, красивая. И ей, кажется, тоже нужна защита. Ее отец – тот еще... – Он махнул рукой. – В общем, я подумал: почему нет?

Гой смотрел на брата и чувствовал, как внутри все сжимается.

– Ты ее любишь? – спросил он.

– Еще нет. – Нанан улыбнулся. – Но, может быть, смогу. Со временем. А это главное, правда?

– Правда, – сказал Гой.

Голос его не дрогнул. Гой вышел, ему как можно скорей хотел покинуть столь забытый им мир.

Два часа спустя

Катер на орбиту...

Гой сидел в кресле и смотрел, как Харран уходит вниз, становясь все меньше, превращаясь в точку, в звездочку, в ничто.

В наушнике зашипело.

– Генерал, – голос Вейс. – У нас проблема.

– Какая?

– Шарея из команды Нанана. Она требует встречи с вами. Говорит, срочно. Личное дело. Гой помолчал.

– Пусть приходит.

Через десять минут в катер зашла женщина.

Она была невысокой, жилистой, с коротко стриженными темными волосами и шрамом на левой скуле. Форма команды буксира – потертая, удобная, без знаков различия. Глаза – серые, холодные, смотрящие в упор.

– Генерал Гой, – сказала она. – Меня зовут Шарея. Я работаю с вашим братом.

– Я знаю, кто вы. – Гой не встал. – Что вам нужно?

– Поговорить. О Нанане.

– Говорите.

Шарея сделала шаг вперед. Еще один. Остановилась в метре от него.

– Он не должен жениться на этой девушке, – сказала она. – Она не для него.

– Это не ваше дело.

– Это мое дело. – В голосе Шарей появился металл. – Я с ним четыре года. Я знаю его лучше, чем вы. Лучше, чем ваша мать. И я вижу, что он делает это не потому, что хочет. А потому, что должен.

– Это его выбор.

– Это выбор, который ему навязали.

Гой поднялся. Теперь они стояли лицом к лицу.

– Чего вы хотите от меня? – спросил он. – Чтобы я запретил брату жениться? Чтобы я поссорился с матерью? Чтобы я разрушил политический союз, который нужен Империи?

– Я хочу, чтобы вы защитили брата. – Шарея не отвела взгляда. – Вы же генерал. Вы защищаете миллионы. Неужели не можете защитить одного?

– Я защищаю Империю. – Гой шагнул к ней. – И иногда для этого нужно жертвовать личным. Даже если это личное – счастье моего брата.

– Вы чудовище, – тихо сказала Шарея. – Вы знаете?

– Знаю.

Она смотрела на него долго. Потом развернулась и пошла к выходу.

– Шарея, – окликнул Гой.

Она остановилась, не оборачиваясь.

– Берегите его, – сказал Гой. – Там, на буксирах. Он слишком добрый и расхлябанный для этой войны.

Шарея молчала. Потом кивнула – один раз, коротко – и вышла.

Гой остался один. Катер поднимался все выше, к флагману, к войне, к привычной пустоте. А перед глазами стояло лицо Элиры.

И голос брата: «Может быть, смогу полюбить. Со временем».

Гой закрыл глаза. И не открывал, пока катер не состыковался с «Несгибаемым».

ГЛАВА 5. ПЕРЕЛОМ

Имперская Академия Наук, Станция «Кузница»

Орбита планеты Харран

Три недели спустя

Гой не любил ученых. Они говорили слишком быстро, слишком много и слишком уверенно в тех вопросах, в которых не смыслили ничего. Тактика, стратегия, логистика, цена человеческой жизни – для них это были абстракции, переменные в уравнениях, которые можно подставить и посчитать.

Но сегодня ученые молчали. В огромном зале Совета Академии, залитом холодным белым светом, собрались лучшие умы Империи. Физики, инженеры, биологи, специалисты по вооружениям. Они стояли вдоль стен, сидели за длинными столами, теснились у голографических экранов. И все смотрели на центр зала, где на возвышении стоял Главный научный координатор.

Старик был сух, как мумия, и так же неподвижен. Говорили, ему за двести, что для Империи было возрастом почтенным, но не запределным – медицина позволяла жить дольше. Но выглядел он так, будто давно уже существует только усилием воли.

– Генерал Гой, – голос старика скрипел, как несмазанные петли. – Благодарю, что нашли время.

– У меня нет времени, – ответил Гой. – Докладывайте.

Старик усмехнулся – сухо, без веселья.

– Хорошо. Тогда сразу к делу.

Он махнул рукой. Голограммы в центре зала вспыхнули, закрутились, сложились в изображение планеты. Серой, безжизненной, испещренной кратерами.

– Это Ксул, – сказал старик. – Бывшая планета Коалиции. Захвачена три года назад. Население – двести пятьдесят миллионов. Эвакуированы в лагеря временного содержания. Сама планета – богатейшие залежи редкоземельных металлов, Барк-сталь в ядре, атмосфера пригодна для дыхания после минимальной терраформации. Идеальный кандидат для колонизации.

Гой молчал. Он знал Ксул. Операция по захвату стоила ему семидесяти тысяч солдат.

– Но мы не будем ее колонизировать, – продолжил старик. – Мы сделаем кое-что получше.

Голограмма изменилась. Планета начала сжиматься, спрессовываться, превращаясь в шар меньшего размера, потом в цилиндр, потом в вытянутый, хищный снаряд.

– Представьте, генерал, что будет, если взять планету и сжать ее до размеров крейсера. Представили? Хорошо. А теперь представьте, что в момент сжатия мы каким-то образом сохраняем всю ее массу. Весь металл, всю породу, всю энергию ядра. И направляем этот снаряд во вражескую систему. В зале стало тихо. Даже ученые перестали дышать.

– Один такой удар, – голос старика окреп, – уничтожает планету. Любую. Защищенную, неуязвимую, священную столицу Коалиции. Один удар – и система перестает существовать. Гравитационный коллапс, ударная волна, радиационный шторм. Ничего не остается.

Гой шагнул ближе к голограмме.

– Теоретически, – сказал он. – А практически?

– Практически мы это сделали. – Старик махнул рукой, и голограмма сменилась изображением испытательного полигона. Пустая система, одинокий астероид размером с небольшую луну. Потом вспышка. Потом – ничего. Астероид исчез.

– Тестовый снаряд, – пояснил старик. – Масса – одна миллионная от массы Ксула. Результат вы видите.

Гой смотрел на пустоту там, где только что был астероид.

– Какова цена? – спросил он.

– Цена?

– Не делайте вид, что не понимаете. Ничего не дается даром. Что нужно для такого снаряда?

Старик помолчал. Переглянулся с коллегами. Потом сказал:

– Люди, генерал. Нужны люди.

Тишина стала абсолютной.

– Объясните, – голос Гоя был ровным, но в нем появилась та стальная нотка, которую его подчиненные научились бояться.

– Технология сжатия, – начал старик, – требует не только массы. Требуется... как бы это сказать... энергетический слепок разумной жизни. Мы не знаем точно, почему это работает. Но эксперименты показывают: без биоматериала, взятого от живых существ, процесс дестабилизируется. Снаряд взрывается до попадания в цель.

– Биоматериал, – повторил Гой. – Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, генерал, что для создания одного такого снаряда требуется полная утилизация населения планеты-донора. Всех. От младенцев до стариков. Их тела перерабатываются в биомассу, их... – он запнулся, – их сознания, если хотите, души, фиксируются в специальном сне. Это не больно. Это просто... переработка.

В зале кто-то всхлипнул. Гой не обернулся.

– Двести пятьдесят миллионов, – сказал он. – Ксул.

– Да. И еще пятьсот миллионов с других планет, которые мы захватили за последние пять лет. Этого хватит на три полноценных снаряда.

– Три.

– Три удара, генерал. Три системы Коалиции. Столица, второй по значимости промышленный центр, и... – старик позволил себе улыбку, – и планета, на которой, по нашим данным, живут семьи Верховного командования Коалиции. Три удара – и война закончена. Но есть одно большое НО... планеты империи совершенно не подходят для создания серийных образцов, мы пока не понимаем почему, они работают на тестах, но все крайне не стабильно. Нужные планеты находятся далеко за пределами наших возможностей быстро добраться до них.

Гой молчал долго. Так долго, что ученые начали переглядываться. Так долго, что Главный координатор кашлянул, привлекая внимание.

– Генерал? Ваше мнение?

Гой повернулся к нему.

– Мое мнение? – переспросил он. – Мое мнение – это вопрос к Совету. Я солдат. Я выполняю приказы. Если Совет прикажет – я буду использовать эти снаряды.

– Но как человек? – не отставал старик. Ему, видимо, нужна была не военная оценка. Ему нужно было оправдание.

Гой посмотрел ему в глаза.

– Как человек я думаю, что вы, ученые, создали адскую машину. И что те, кто ею воспользуется, будут прокляты до конца своих дней. И что через тысячу лет наши потомки будут вспоминать этот день как день, когда Империя перестала быть просто жестокой и стала чудовищной.

Старик побледнел.

– Но, – продолжил Гой, – если это единственный способ выиграть войну, в которой мы гибнем уже восемьсот лет, то пусть лучше проклятие падет на нас, чем смерть – на наших детей. Готовьте доклад для Совета. Я его поддержу.

Он развернулся и пошел к выходу. В спину ему летела тишина – тяжелая, осуждающая, испуганная.

У дверей он остановился.

– Кто будет проектировать корабль-тягач? – спросил он, не оборачиваясь. – Для столь дальних систем нужен принципиально новый класс судов.

– Мы уже выбрали кандидатуру, – ответил старик. – Лучший инженер-конструктор Империи. Он уже можно сказать работает над проектом.

– Имя.

– Тир Гойя. Ваш брат.

Совет Империи, Зал Решений

Два дня спустя...

Расширенный совет заседал в полном составе. Сорок три человека – военные, политики, представители великих домов, главы корпораций – сидели за огромным овальным столом из черного дерева. Каждый из них контролировал жизни миллионов. Каждый из них принимал решения, от которых зависела судьба цивилизации.

Гой стоял у стены, среди адъютантов и советников. Ему не полагалось места за столом – он был исполнителем, не законодателем. Но его присутствие требовалось для ответов на вопросы.

Главный Координатор расширенного Совета, грузный мужчина с тяжелым взглядом и еще более тяжелым голосом, поднял руку. Тишина установилась мгновенно.

– Мы выслушали доклад Академии, – сказал он. – Технология подтверждена. Ресурсы есть. Вопрос: использовать или нет?

– Использовать, – сказал военный министр без колебаний. – Восемьсот лет. Пора ставить точку.

– А цена? – подал голос представитель дома Уанн, тот самый, чья дочь должна была выйти за Нанана. – Пятьсот миллионов живых людей. наших подданных. Пусть и с захваченных планет, но все же – людей. Мы не боимся проклятия истории?

– История пишется победителями, – отрезал военный министр. – Через сто лет никто не вспомнит про пятьсот миллионов. Будут помнить, что мы выиграли войну.

– А через двести? – не унимался Уанн. – Когда наши дети спросят, как мы это сделали?

– Скажем, что иначе было нельзя.

– Это ложь.

– Это политика.

Спор разгорался. Гой слушал вполуха. Он смотрел на человека, сидящего в дальнем конце стола, отдельно от всех. Тир. Брат.

Младший. Самый младший из трех сыновей Варга Гойя. Тот, кого никогда не брали на войну. Тот, кого не было.

Тиру было тридцать два. Он был ниже Гоя, тоньше, с мягкими чертами лица и вечно взлохмаченными волосами, которые не могла причесать ни одна сила. Он носил простую одежду инженера, а не форму, и сейчас сидел, сгорбившись над столом, и рисовал что-то на планшете, не слушая спор. Гой смотрел на брата и вспоминал.

Тир в пять лет собирал первые механизмы из того, что находил в мастерской отца. Тир в десять починил генератор, который не могли починить взрослые.

Тир в двенадцать спроектировал свой первый корабль – маленький, игрушечный, но летающий.

Тир в двадцать стал главным инженером верфи.

Тир в двадцать пять предложил новый класс буксиров.

Тир никогда не воевал. Он строил. И теперь ему предстояло построить корабль, который принесет смерть миллиардам.

– Тир Гойя, – голос Главного Координатора вырвал Гоя из воспоминаний. – Вы слышали задачу. Сможете?

Тир поднял голову. Посмотрел на Совет спокойно, без тени страха или подобострастия.

– Смогу, – сказал он. – Вопрос не в том, смогу ли. Вопрос в том, нужно ли.

В зале повисла тишина. Никто не ожидал такого ответа.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Координатор.

– Я имею в виду, – Тир отложил планшет и встал, – что построить корабль, способный нести планету, из такого далека и с такой скоростью – это инженерная задача. Я ее решу за полгода. Но построить корабль, который сделает нас чудовищами, – это моральная задача. И я не уверен, что хочу быть ее частью.

– Вы отказываетесь?

– Я спрашиваю: вы уверены, что это единственный путь?

Военный министр вскочил:

– Мальчишка! Ты понимаешь, сколько людей гибнет каждый день? Ты понимаешь, что эта война...

– Я понимаю, сколько гибнет, – перебил Тир спокойно. – Я считал. Сорок три тысячи в среднем за стандартный цикл. Умножить на восемьсот лет – получается астрономическая цифра. Но если мы сделаем это, мы убьем не сорок три тысячи. Мы убьем пятьсот миллионов сразу, плюс несколько миллиардов. Одним решением. И после этого сможем спать спокойно?

– После этого война кончится, – жестко сказал Координатор. – И больше не будут гибнуть сорок три тысячи в цикл.

– Кончится, – согласился Тир. – Но начнется что-то другое. Что-то, что мы не сможем остановить. Потому что, научившись убивать планеты, мы не сможем разучиться.

Гой смотрел на брата и чувствовал гордость. И страха. Тир говорил то, что сам Гой думал, но никогда не сказал бы вслух. Тир был смелее, или наивнее.

– Ваше мнение, генерал Гой? – обратился Координатор к нему.

Все повернулись. Гой медленно вышел из тени, встал так, чтобы его видели все.

– Тир Гойя – лучший инженер Империи, – сказал он. – Если кто и способен построить этот корабль, то только он. Что касается моральной стороны... – Он помолчал. – Я солдат. Мое дело – воевать, а не рассуждать. Но я скажу одно: если мы не сделаем этого, война будет идти вечно. Если сделаем – у наших детей будет шанс жить в мире. Вопрос в том, готовы ли мы заплатить эту цену.

– А вы? – спросил Тир, глядя брату в глаза. – Вы готовы?

Гой выдержал взгляд.

– Я готов на все, чтобы защитить Империю. Даже на это.

Тир смотрел на него долго. Потом кивнул – медленно, почти печально.

– Тогда я построю вам корабль, – сказал он. – Но знайте: я буду помнить. Каждую заклепку, каждый винтик, каждый отсек. И когда вы выстрелите, я буду знать, что мы все сделали это возможным. Он сел обратно за стол и уткнулся в планшет.

В зале повисла тишина. Кто-то кашлянул. Кто-то переглянулся. Военный министр открыл рот, чтобы сказать что-то резкое, но Координатор остановил его жестом.

– Решение принято, – сказал он. – Проект утвержден. Тир Гойя назначается главным конструктором. Все ресурсы Империи в вашем распоряжении. Срок – один год.

Он стукнул молотком по столу. Звук был глухим, тяжелым, как удар грома.

Гой смотрел на брата. Тир не поднимал головы. Его палец медленно водил по экрану планшета, рисуя линии будущего корабля. Линии почтальона смерти.

Два часа спустя

Коридоры Академии...

Гой догнал Тира у выхода.

– Подожди.

Тир остановился. Не обернулся.

– Ты злишься, – сказал Гой.

– Нет. – Тир повернулся. Лицо у него было усталым, но спокойным. – Я не злюсь. Я просто... думаю.

– О чем?

– О том, что мы делаем. – Тир прислонился к стене. – Знаешь, я всегда считал, что мои корабли спасают жизни. Буксиры тащат ресурсы, чтобы наши солдаты не гибли от голода и холода. Боевые корабли, которые я проектировал, защищают системы. А теперь я построю машину по доставке смерти. Настоящую. Такую, какой еще не было.

– Ты не виноват в том, как ее используют.

– Виноват. – Тир покачал головой. – Инженер всегда виноват. Мы создаем инструменты. А уж как их применяют... Но если бы я не создал этот инструмент, его бы не применили.

– Применили бы. Другой инженер.

– Может быть. – Тир посмотрел на брата. – А может быть, другой инженер отказался бы. И проект бы заморозили. Может нашли другой способ закончить войну.

– Другого способа нет. Ты слышал доклад.

– Я слышал доклад ученых, которые хотят получить финансирование и увековечить свои имена. – Тир усмехнулся. – Я не доверяю ученым, которые говорят, что другого способа нет. Обычно другой способ есть. Просто он сложнее или требует больше времени.

Гой молчал. В словах брата была правда. Но была и наивность.

– Ты пойдешь до конца? – спросил он.

– Я построю корабль, – ответил Тир. – Лучший из возможных. А дальше... дальше не мне решать.

Он отлепился от стены и пошел к выходу.

– Тир, – окликнул Гой. – Береги себя.

Тир остановился, обернулся. Улыбнулся – светло, как в детстве.

– Ты тоже, брат. Ты тоже.

Дверь закрылась. Гой остался один в пустом коридоре. Где-то далеко гудели двигатели, работали механизмы, жила своей жизнью станция. А здесь, в этом коридоре, было тихо. Так тихо, что Гой слышал биение собственного сердца.

Пятьсот миллионов. Корабль Тира. Война, которая может закончиться. И проклятие, которое будет длиться вечно.

Он постоял еще минуту, потом развернулся и пошел в противоположную сторону – туда, где ждал его катер, где ждала война, где ждала жизнь, в которой нет места сомнениям.

Только приказы. Только долг. Только победа. Любой ценой.

ГЛАВА ГОСУДАРСТВА – ИМПЕРАТОР

Титул: Его Святейшество Император, Хранитель Традиций, Отец Нации

Роль: Символическая и церемониальная

Полномочия:

Представляет Империю на важнейших церемониях

Освящает начало военных кампаний (традиционный ритуал)

Вручает высшие награды

Имеет право помилования (но только по согласованию с Советом)

Ведёт летописи Империи, следит за соблюдением древних обычаев

Реальная власть: Минимальна. Император – живой символ преемственности восьмисотлетней войны. Его роль сравнима с ролью хранителя традиций, но все стратегические решения принимает Верховный Совет.

Традиция: Каждый Император происходит из древнего рода, ведущего историю от основания Империи. Смена власти происходит только после смерти предыдущего Императора, наследника назначает Совет из числа прямых потомков.

2. ВЫСШАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ – ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ

Состав: 5 человек (по числу ключевых ведомств)

Председатель: Глава флота

Принцип формирования: Назначаются на 50 лет из числа высших офицеров, утверждаются Советом предшествовавшего состава.

2.1 Глава флота (Первый среди равных)

Функции:

Стратегическое планирование военных операций

Координация всех флотов Империи

Распределение ресурсов между флотами

Контроль за строительством кораблей

Внешняя политика (военные аспекты)

2.2 Глава десантных войск

Функции:

Командование всеми наземными операциями

Подготовка десантных подразделений

Координация с флотом при высадках

Оборона планет Империи

Контроль за военными базами на поверхностях планет

2.3 Глава инженерной артиллерии

Функции:

Разработка стратегии применения новых видов вооружения

Проектирование линий обороны

Контроль за производством боеприпасов

Научные исследования (включая эффект Фэтро и мутации)

Координация с верфями и заводами

2.4 Глава корпуса гончих

Функции:

Командование операциями по доставке ресурсов в империю Глубокие рейды в дальние уголки систем

Спецоперации

Подготовка кадров для корпуса гончих

Буксировка планет (отряд «Поглотители» подчиняется этому ведомству)

2.5 Глава корпуса псимагов

Функции:

Контроль за псионическими способностями

Подготовка псимагов для армии и флота

Психотронное оружие (включая «пси-снег» для сбора души)

Работа с мутационной энергией

Ментальная защита Империи

Уникальность: *Самое закрытое ведомство. Псимаги обладают особым статусом, их подготовка начинается с детства.*

3. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Формально отсутствует как отдельная ветвь. Верховный Совет совмещает исполнительные и законодательные функции.

Процедура принятия законов:

Инициатива поступает от одного из членов Совета

Обсуждение на закрытом заседании

Голосование (простым большинством)

Церемониальное утверждение Императором

Публикация

4. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Независимая ветвь власти, подчиняющаяся только Конституции Империи.

4.1 Суды первой инстанции (планетарные)

Рассматривают гражданские и мелкие уголовные дела

Заседают на каждой планете Империи

Судьи назначаются пожизненно из числа местных юристов

4.2 Суды второй инстанции (окружные)

Апелляционные суды

Рассматривают дела, связанные с военными преступлениями средней тяжести

Юрисдикция – сектор (группа планет)

Судьи назначаются Верховным Советом

4.3 Верховный трибунал Империи (столица, планета Харран)

Высшая судебная инстанция

Рассматривает дела особой важности:

Государственная измена (Вера Крауф)

Преступления высших офицеров

*Споры между ведомствами
Апелляции на смертные приговоры
Состав: 9 судей, назначаемых пожизненно
Решения окончательны и обжалованию не подлежат*

5. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ

*Империя разделена на **военные округа (сектора)** , каждый из которых включает несколько планетных систем.*

Глава сектора: Военный губернатор (назначается Советом)

Полномочия губернатора:

Оборона сектора

Сбор ресурсов

Мобилизация

Взаимодействие с флотом

6. ОСОБЫЙ СТАТУС

***Планета Харран** – столица Империи, место заседания Верховного Совета и резиденция Императора. Имеет особый статус, управляется непосредственно Советом.*

***Воровские верфи** – крупнейший завод галактики, имеет автономное управление, подчиняется напрямую Главе инженерной артиллерии.*

7. КОНСТИТУЦИЯ ИМПЕРИИ

Основной закон, действующий более 500 лет. Закрепляет:

Власть Верховного Совета

Церемониальную роль Императора

Независимость судов

Воинскую обязанность

Запрет на сепаратные переговоры с врагом

Порядок престолонаследия

ГЛАВА 6. ТРИ БРАТА

Планета Харран, поместье семьи Гой

Двадцать семь лет назад

Утро начиналось с запаха хлеба. Теплый, маслянистый, он проникал во все комнаты огромного дома, поднимался по лестницам, заползал под одеяла, щекотал носы и заставлял открывать глаза даже тех, кто хотел спать еще час.

Гой открыл глаза первым. Ему было восемь лет, и он уже знал, что старший брат должен подавать пример. Поэтому он не потягивался в постели лишние пять минут, как делал это иногда, когда никто не видел. Он сел, стряхнул сон, посмотрел на кровать напротив.

Тир спал. Младшему брату было всего четыре. Он лежал на спине, раскинув руки, и улыбался во сне. Тир всегда улыбался во сне. Даже когда видел кошмары – мать говорила, что Тир вообще не видит кошмаров, потому что у него слишком чистое сердце.

Гой слез с кровати, подошел к брату, потрогал за плечо.

– Тир. Просыпайся.

Тир сморщил нос, перевернулся на бок и натянул одеяло на голову.

– Тир. – Гой потряс сильнее. – Хлеб принесли. С медом.

Одеяло медленно сползло вниз. Появился один глаз – карий, сонный, но уже заинтересованный.

– С медом? – голос был хриплым со сна.

– С медом. И мама сказала, сегодня будем строить мост.

Глаз распахнулся полностью. Тир сел так резко, что чуть не стукнулся лбом о лоб Гоя.

– Мост? Правда? Тот самый, с веревками?

– Тот самый.

– И я буду главным инженером?

– Ты всегда главный инженер, – серьезно ответил Гой. – Я командующий, Нанан разведчик, а ты инженер. Так распределение сил.

Тир довольно закивал и спрыгнул с кровати.

– А Нанан? – спросил он, натягивая штаны.

– Нанан спит в своей комнате. Он теперь большой, у него отдельная.

– А почему он большой, а спит дольше?

– Не знаю. – Гой пожал плечами. – Наверное, потому что разведчикам нужно больше отдыхать. Они ночью звезды изучают.

Эта версия устроила Тира полностью. Он схватил Гоя за руку и потащил к двери, Нанан не был «большим» просто его очень любила мать.

– Пошли есть! А потом строить! А потом я придумаю, как сделать, чтобы мост сам держался, без опор!

– Так не бывает, – сказал Гой, но позволил тащить себя.

– Будет! Я придумаю!

Большая столовая...

Мать уже сидела во главе стола. Лана Гойя – тогда еще молодая, красивая, с идеальной осанкой и внимательным взглядом – пила кофе маленькими глотками и читала что-то на планшете. Увидев входящих сыновей, она отложила планшет и улыбнулась.

– Мои мальчики. Доброе утро.

– Доброе утро, мама! – Тир подбежал и чмокнул ее в щеку. Гой подошел спокойнее, поклонился.

– Садитесь. Ешьте. – Она указала на стол, ломящийся от еды. Каши, фрукты, хлеб, мед, масло, яйца, мясо. Для Империи, которая вела войну восемьсот лет, стол был королевским.

Гой сел, положил себе немного. Тир навалил полную тарелку всего подряд и начал есть, почти не жуя.

– Тир, не торопись, – мягко сказала мать. – Еда никуда не убежит.

– Мы мост строим! – с набитым ртом объяснил Тир. – Надо быстро!

– Мост – это хорошо. – Лана улыбнулась. – А кто будет командовать строительством?

– Гой! – Тир ткнул ложкой в брата. – Гой командующий, я инженер, Нанан разведчик. Только Нанан спит еще.

– Разбудите его после завтрака. Разведчики тоже должны есть.

В этот момент дверь распахнулась, и в столовую влетел Нанан.

Ему было шесть. Светловолосый, быстрый, с вечно развязанными шнурками и горящими глазами.

– Я не сплю! – закричал он. – Я уже давно не сплю! Я на улицу бегал, смотрел, какая погода!

– И какая? – спросила мать.

– Хорошая! Солнце есть, ветра нет, можно строить!

Он плюхнулся за стол рядом с Тиром и сразу запустил руку в хлебницу.

– Нанан, руки мыл?

– Ага! – соврал Нанан с таким честным лицом, что даже Гой не сразу понял, что это ложь.

Лана вздохнула, но ничего не сказала. Только сделала пометку в планшете – «поговорить с детьми о гигиене».

Завтрак продолжался. Тир рассказывал про мост, который «будет сам держаться», Нанан перебивал и предлагал сделать разведывательную вышку, Гой молча слушал и кивал. Иногда вставлял слово – всегда по делу, всегда точно. Лана смотрела на них и думала о том, что видит.

Гой – старший. Серьезный, ответственный, уже сейчас похожий на маленького солдата. Он будет великим военачальником, это ясно. В нем есть стержень. Будущий глава флота

Нанан – средний. Живой, общительный, легкий. Он будет дипломатом, или переговорщиком, или кем-то, кто умеет находить общий язык с людьми. Такие нужны не меньше, чем военные, будет главой Гончих.

Тир – младший. Мечтатель. Изобретатель. Он смотрит на мир не как на поле боя или арену для переговоров, а как на огромный конструктор, который можно разобрать и собрать заново, лучше, чем было. Будущий глава Инженерной артиллерии.

Три сына. Три пути. Три судьбы.

Она уже знала, что каждому из них уготовано. Знала, потому что сама эти судьбы проектировала.

– Доедайте, – сказала она, вставая. – Через час у вас занятия. Гой – тактика, Нанан – языки, Тир – основы инженерии и артиллерии. Не опаздывать.

– Ма-ам, – протянул Нанан. – Ну сегодня же выходной почти...

– В Империи нет выходных, – отрезала Лана. – Особенно для тех, кто хочет чего-то добиться. Ваш отец начал учиться в четыре года. К восьми он знал три языка и устав гарнизонной службы.

– А мы? – спросил Тир с интересом. – Мы сколько знаем?

– Ты знаешь таблицу элементов и можешь собрать генератор. Нанан знает два языка и может очаровать любого взрослого. Гой знает тактику и может командовать отрядом. – Лана улыбнулась. – Вы молодцы. Но можете лучше.

Она вышла. За столом повисла тишина.

– Она нас любит? – спросил вдруг Тир.

Гой посмотрел на брата. Вопрос был странный. Конечно, любит. Мать же.

– Любит, – сказал он уверенно.

– А почему тогда все время учиться заставляет?

– Потому что любит, – объяснил Гой. – Хочет, чтобы мы были сильными.

– А я не хочу быть сильным, – вздохнул Тир. – Я хочу быть изобретателем.

– Это и есть сила, – сказал Гой. Он не был до конца уверен, что это правда, но звучало хорошо.

Нанан фыркнул:

– Вы оба нудные. Пошли мост строить!

И они побежали.

Сад, полдень

Мост строили между двумя старыми деревьями.

Тир сидел на траве и чертил палочкой схемы. Нанан таскал веревки. Гой командовал:

– Выше закрепляй! Нет, левее! Теперь узел!

– Какой узел? – кричал Нанан с ветки.

– Космический! Который папа показывал!

– Я забыл!

– Двойной тогда!

– А как двойной?

Гой вздохнул. Полез на дерево сам. Через пять минут они уже вместе вязали узлы, а Тир снизу кричал инструкции:

– Не так! Нанан, ты петлю перекрутил! Гой, левую ветку надо проверить, она сухая!

– Проверил, – ответил Гой. – Держит.

– Точно?

– Точно.

Тир кивнул и вернулся к чертежам. Он любил, когда все точно. Когда цифры сходятся, когда расчеты верны, когда конструкция стоит, потому что иначе и быть не могло.

Мост получился кривоватым, но крепким. Они по очереди прошли по нему, потом прыгали с него в кучу листьев, потом строили рядом вышку – Нанан настоял.

К вечеру все трое были грязные, счастливые и уставшие. Учебы сегодня не было, Лана дала выходной своим будущим успехам.

Они лежали на траве и смотрели в небо. Над Харраном зажигались первые звезды.

– Гой, – позвал Тир тихо.

– М?

– А ты кем хочешь стать, когда вырастешь?

Гой подумал. Он редко думал о будущем – будущее казалось таким же естественным, как настоящее. Он просто знал, что будет делать то, что должен.

– Генералом, – сказал он. – Как папа. Только лучше.

– А я хочу корабли строить, – мечтательно сказал Тир. – Большие-пребольшие. Чтобы летали быстро и никого не боялись.

– А я хочу путешествовать, – подал голос Нанан. – Смотреть на другие планеты, на другие миры. Возможно встречать других людей.

– Там война, – напомнил Гой.

– Ну и что? – Нанан пожал плечами. – Война везде. Но люди же интересные. Даже враги.

– Враги – не люди, – автоматически сказал Гой. Так учили.

– Люди, – уперся Нанан. – Просто другие. Как мы, но другие.

Гой хотел поспорить, но не стал. Спорить с Нананом было бесполезно – он все равно оставался при своем.

– А инопланетяне есть? – спросил вдруг Тир.

– Нет, – ответил Гой. – Только люди. Во всей галактике только люди.

– Скучно, – вздохнул Тир. – Я бы хотел увидеть инопланетянина.

– Зачем?

– Интересно же. Вдруг они умнее нас. Вдруг у них технологии другие. Вдруг они знают, как сделать так, чтобы войны не было.

Гой промолчал. Ему было восемь, и он уже знал, что войны будут всегда. Так устроен мир. Так устроены люди.

Но спорить с Тиром не хотелось. Тир был маленьким. Тир верил в чудеса. Пусть верит.

Вечер, кабинет матери...

– Садитесь, мальчики.

Они сидели на диване в кабинете Ланы – чисто вымытые, причесанные, в свежей одежде. Тир вертелся, Нанан зевал, Гой сидел прямо, как на уроке.

Лана стояла у окна, спиной к ним. Когда она говорила о важном, она всегда стояла спиной. Так легче было думать.

– Завтра к вам придут преподаватели из Академии, – начала она. – Они будут оценивать ваши способности. Это важно.

– Зачем? – спросил Тир.

– Чтобы понять, в какую школу вас определить. Гой пойдет в военную академию, это ясно. Нанан – в гончие. Ты, Тир... – она обернулась, – ты пойдешь в инженерную артиллерию. Но выбор зависит от того, что скажут преподаватели.

– А если они скажут, что я не гоюсь в артиллерию? – с надеждой сказал Тир.

– Не скажут. – Лана улыбнулась. – Ты гений, мой маленький. Просто они должны это подтвердить.

Тир заулыбался. Похвала матери была редкой и оттого особенно ценной.

– Но есть одно условие, – продолжила Лира. – В Академии вы будете не просто учиться. Вы будете представлять нашу семью. Наш дом. Наше имя. Гойя Гойя – это не просто имя. Это legacy. Вы понимаете?

– Наследие, – перевел Гой.

– Да. Наследие. Ваш прадед был адмиралом. Ваш дед – министром. Ваш отец – героем войны. Вы должны быть достойны.

– А если я не хочу быть достойным? – спросил Нанан.

Лана посмотрела на него долгим взглядом.

– Хочешь, – сказала она. – Просто еще не понял. Но поймешь. Потому что другого выбора нет. У людей нашего круга всегда есть выбор – но только между тем, как именно служить Империи. Служить все равно придется.

Нанан надулся, но спорить не стал. Он уже знал, что с матерью спорить бесполезно.

– Теперь о главном, – Лана подошла ближе. – В Академии у вас появятся друзья и враги. Друзей выбирайте тщательно. Врагов – не создавайте без нужды. Но если создали – уничтожайте. До конца. Полумеры в политике хуже поражения.

– Это же не политика, – удивился Тир. – Это школа.

– Это жизнь, – поправила Лана. – А жизнь – это политика. Чем раньше вы это поймете, тем легче вам будет.

Она села в кресло напротив них.

– Запомните три правила. Первое: всегда думайте, что выгодно вашей семье. Второе: никогда не доверяйте тем, кто предлагает что-то бесплатно. Третье: если приходится выбирать между долгом и чувством – выбирайте долг. Чувства проходят. Долг остается.

– А если долг велит делать плохое? – спросил Тир.

– Плохого не бывает, – ответила Лира. – Бывает необходимое. И бывает ненужное. Научитесь различать.

Тир задумался. Гой кивнул, запоминая. Нанан смотрел в окно и, кажется, не слушал.

– А теперь идите спать, – сказала Лана. – Завтра важный день.

Они встали, подошли по очереди поцеловать мать.

– Спокойной ночи, мама.

– Спокойной ночи, мои хорошие.

Спальня Гоя и Тира...

– Гой, – позвал Тир, когда свет погас.

– М?

– А ты правда будешь генералом?

– Правда.

– И будешь командовать солдатами?

– Буду.

– И они будут слушаться?

– Будут. Я хороший командир.

Тир помолчал. Потом сказал тихо:

– А я буду строить для тебя корабли. Самые лучшие. Чтобы ты всегда побеждал.

Гой улыбнулся в темноте, он понимал, что его брат попадет в инженерную артиллерию, и строить корабли ему не придется. Он еще не осознавал всю разнице между инженерной артиллерией и инженерной школой.

– Спасибо, брат.

– Гой?

– М?

– Ты мой самый любимый брат. Ты знаешь?

– Знаю.

– И я тебя люблю.

– Я тебя тоже, Тир. Спи.

Через минуту Тир уже сопел. Гой лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок.

Он думал о том, что сказала мать. О долге и чувствах. О выборе. О будущем.

Ему было восемь лет, и он уже знал, что его жизнь не принадлежит ему. Она принадлежит Империи. Семье. Долгу. Но еще он знал, что есть Тир. Который верит в чудеса. Который мечтает строить корабли. Который любит его просто так, не за должность, не за звание, а просто потому что он брат. И это знание грело где-то глубоко внутри. Там, куда не доставали приказы. Там, где еще можно было быть просто человеком.

На следующее утро

Экзаменационный зал...

Преподаватели из Академии оказались тремя сухими пожилыми людьми в строгих черных мантиях. Они задавали вопросы, давали задачи, наблюдали.

Гой решал тактические головоломки быстро и точно. Нанан блестяще переводил с двух языков, рассказывал теорию ресурсной базы и очаровал экзаменаторов улыбкой. Тир собрал сложный механизм из разрозненных деталей за пятнадцать минут – и объяснил, как его можно улучшить.

– Впечатляет, – сказал главный экзаменатор Лире, когда дети вышли. – Особенно младший. У него редкий дар, если правильно направить наша артиллерия станет лучшей во всей вселенной.

– Я знаю, – ответила Лана.

– Тяжело вам будет с тремя такими разными.

– Не тяжело. – Лана улыбнулась. – Интересно.

Она смотрела в окно, где во дворе трое мальчишек уже бегали, смеялись, спорили о чем-то, строили планы.

Гой, Нанан, Тир. Три брата. Три судьбы. Которые она уже выковала.

Оставалось только ждать, когда они войдут в эти судьбы – и изменят мир.

ГЛАВА 7. РАЗРЫВ

Годы спустя

Планета Харран, поместье семьи Гой

Десять лет спустя после событий предыдущей главы

Завтрак в доме Гоев всегда был событием. Не потому, что еда была особенной – хотя кормили здесь отлично. И не потому, что собиралась вся семья – хотя это случалось реже, чем хотелось бы матери. А потому, что за завтраком решались судьбы.

Сегодня решалась судьба Тира. Ему было четырнадцать. Высокий, худой, с вечно взлохмаченными волосами и пальцами, испачканными машинным маслом даже после тщательного мытья. Он сидел за столом и смотрел в тарелку, потому что поднять глаза на отца было выше его сил.

Варг Гойя сидел во главе стола – монументальный, тяжелый, с морщинами, прорезавшими лицо, как карта боевых действий. Он не ел. Он смотрел на сына.

– Повтори, – сказал он. Голос был тихим. Это было плохим знаком. Когда Варг Гой кричал, это значило, что он еще контролирует себя. Когда он говорил тихо – лучше было бежать.

Тир сглотнул.

– Я выбрал инженерный корпус, – сказал он. – Техническую академию.

Тишина повисла такая, что было слышно, как за окном птица бьется о стекло оранжереи.

– Инженерный, – повторил Варг. – Корпус техников. Ты хочешь стать техником.

– Инженером, – поправил Тир, все еще не поднимая глаз. – Корабельным инженером. Конструктором.

– Это одно и то же. – Варг отодвинул тарелку. – Техник. Рабочий. Человек, который возится с железками, пока настоящие мужчины воюют.

– Отец...

– Молчать!

Тир замолчал. Рядом с ним Гой, которому было уже восемнадцать, сидел напряженный, как струна. Напротив Нанан, шестнадцатилетний, бледный, сжимал вилку.

Мать молчала. Лана сидела в конце стола и пила кофе маленькими глотками, глядя в окно. Она всегда молчала, когда Варг заводился. Это было правило выживания.

– Объясни мне, – Варг подался вперед, и стул под ним жалобно скрипнул, – почему мой сын, внук адмирала, правнук министра, потомок героев, выбирает самую низкую, самую презренную ветвь? Почему ты не идешь в военную академию, как Гой? Почему ты не идешь в корпус гончих, как Нанан? Почему не идешь в инженерную артиллерию. Почему ты выбираешь возиться в грязи, как последний...

– Потому что я хочу строить корабли, – перебил Тир.

И поднял глаза.

Это был вызов. Все знали, что перебивать отца нельзя. Это было страшнее, чем проиграть бой. Но Тир перебил. И посмотрел прямо в глаза.

Варг медленно встал.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что хочу строить корабли. – Голос Тира дрожал, но он не отводил взгляда. – Я не хочу воевать, отец. Я не создан для войны. Я создан для того, чтобы создавать. Чтобы придумывать новое. Чтобы делать вещи, которые помогут другим воевать лучше. Это тоже нужно. Это важно.

– Важно? – Варг обошел стол. – Ты называешь это важным? Сидеть в тепле, чертить чертежи, пока твои братья гибнут под снарядами?

– Если я буду хорошо делать свою работу, они не погибнут, – сказал Тир. – Мои корабли будут лучше вражеских. Мои двигатели будут быстрее. Моя броня – крепче. Я спасу больше жизней, чем любой генерал.

– Ты спасешь жизни? – Варг остановился в двух шагах от сына. – Ты? Сопляк, который никогда не держал в руках оружия?

– Держал. – Тир встал. Они стояли теперь лицом к лицу – старый воин и мальчик, который посмел ему перечить. – Я держал. И мне не понравилось. Оно тяжелое, неудобное и предназначено только для одного – убивать. Я не хочу убивать, отец. Я хочу создавать.

– Создавать, – Варг усмехнулся, но усмешка вышла злой. – Ты хочешь создавать. А знаешь, что создают такие, как ты? Ничего. Вы сидите в своих лабораториях, выдумываете теории, а настоящую работу делают другие.

– Неправда.

– Правда. – Варг шагнул еще ближе. – Твой прадед создал Империю кровью. Твой дед создал Совет кровью. Я создал эту семью кровью. А ты хочешь создавать чертежи. Ты позор. Последнее слово повисло в воздухе, как пощечина. Тир побледнел. Но не отступил.

– Я не позор, – сказал он тихо. – Я просто другой. И если для вас это позор – значит, вы не видите дальше своего носа.

Варг замахнулся. Удар был страшным. Тир отлетел к стене, сбив по пути стул. Гой вскочил, но мать жестом остановила его. Нанан закрыл глаза руками.

Тир поднялся. Медленно, держась за скулу, на которой уже расплывался синяк.

– Уходи, – сказал Варг. Голос его был тяжелым, как камнепад. – Убирайся из моего дома. Ты мне не сын.

– Отец! – Гой шагнул вперед. – Ты не можешь...

– Могу! – рявкнул Варг. – Это мой дом! Моя семья! И я решаю, кто здесь останется! А этот... этот предатель...

– Какой же я предатель? – Тир почти крикнул. – Я не переходил на сторону врага! Я просто хочу учиться тому, что люблю! Это предательство?

– Это слабость, – отрезал Варг. – А слабость хуже предательства. Предателя можно убить. Слабость – это болезнь. Она заражает. И я не позволю тебе заразить братьев.

Гой рванул к отцу.

– Прекрати! – крикнул он. – Тир ничего не сделал! Он просто...

Он не договорил. Потому что рука Тира легла ему на плечо. Легкая, теплая, дрожащая. Но твердая.

– Гой, – сказал Тир тихо. – Все в порядке.

Гой обернулся. Тир стоял за его спиной – с разбитой губой, с синяком на пол-лица, с глазами, полными слез, которые он изо всех сил старался не пролить.

– Тир...

– Я сказал, все в порядке. – Тир улыбнулся. Криво, через боль. – Он прав. Мне не место здесь. Я пойду.

– Куда ты пойдешь? Тебе четырнадцать!

– В академию. У меня есть допуск. Меня зачислят. А жить... – Тир пожал плечами. – Найду общежитие. Не впервой.

– Тир, не глупи. Я поговорю с отцом, он остынет...

– Не остынет. – Тир покачал головой. – Ты же знаешь его. Он никогда не остывает. Если он сказал – значит, так и будет.

Гой смотрел на брата и чувствовал, как внутри разрывается что-то важное. То, что держало его с детства. То, что давало силы.

– Мы не перестанем быть братьями, – сказал Тир. – Слышишь? Никогда. Где бы я ни был, что бы ни делал – ты мой брат. Нанан мой брат. Это не зависит ни от отца, ни от матери, ни от Империи.

– Тир...

– Обещай мне, – Тир сжал плечо брата. – Обещай, что будешь заботиться о Нанане. Он слабее нас. Ему нужна защита.

– Я обещаю. – Голос Гоя дрогнул. – Но ты...

– Я справлюсь. – Тир улыбнулся. – Я же гений. Гении всегда справляются.

Он отпустил плечо брата, повернулся к отцу.

– Прощайте, полковник, – сказал он холодно. – Спасибо за науку.

И пошел к двери.

– Тир! – крикнул Нанан, вскакивая. – Подожди! Я с тобой!

– Сидеть! – рявкнул Варг.

Нанан замер. Посмотрел на отца, на брата, снова на отца. В глазах у него были слезы.

– Папа, пожалуйста...

– Я сказал – сидеть. Ты остаешься. Ты гончая. У тебя есть долг перед семьей.

– Но он моя семья!

– Больше нет.

Тир остановился в дверях. Обернулся. Посмотрел на Нанана долгим, теплым взглядом.

– Все хорошо, средний, – сказал он. – Правда. Я напишу. Когда устроюсь.

Он вышел. Дверь закрылась. В столовой повисла тишина. Варг стоял, тяжело дыша, и смотрел на дверь, за которой только что исчез его младший сын. Лана молчала, глядя в окно. Гой стоял, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Нанан плакал – беззвучно, размазывая слезы по лицу.

– Помните, – сказал Варг, обращаясь к Гою и Нанану. – Этого человека больше не существует. Вы не будете с ним общаться. Не будете писать. Не будете думать о нем. Он предал семью. Предателей не прощают.

– Он не предатель, – сказал Гой тихо.

– Что?

– Я сказал – он не предатель. – Гой поднял глаза на отца. Взгляд его был тяжелым, как никогда. – Он выбрал свою дорогу. Это не предательство. Варг шагнул к старшему сыну.

– Ты хочешь разделить его участь?

Гой молчал. Секунду. Две. Три.

– Нет, – сказал он наконец. – Я останусь. Потому что здесь я нужен. Потому что здесь моя работа. Потому что я солдат. Но это не значит, что я согласен.

– Твое согласие не требуется.

– Я знаю. – Гой разжал кулаки. – Можно идти?

Варг смотрел на него долго. Потом кивнул. Гой вышел, не оглядываясь. Нанан рванул было за ним, но Варг схватил его за плечо.

– Ты останешься.

– Пусти!

– Ты. Останешься. – Варг развернул сына к себе. – Ты гончая. Ты будешь лучшим. Ты будешь гордостью семьи. Ты понял?

Нанан смотрел на отца с ненавистью. Первый раз в жизни – с настоящей, жгучей ненавистью.

– Я понял, – сказал он. – Но я никогда не прощу вам этого. Никогда.

Варг отпустил его. Отвернулся.

– Простишь. Со временем все прощают.

– Нет, – тихо сказал Нанан. – Не все.

Он выбежал из столовой. В комнате остались только Варг и Лана. Старый полковник подошел к окну, встал рядом с женой. Долго молчал.

– Ты могла бы его остановить, – сказал он наконец. – Сказать что-нибудь.

– Зачем? – Лана допила кофе. – Он все равно ушел бы. Тир упрямый. В тебя.

– Он слабый.

– Он сильный. Просто по-другому. – Лана поставила чашку. – Ты совершил ошибку, Варг.

– Я? Ошибку?

– Ты выгнал сына, который мог бы прославить наш род больше, чем все мы вместе взятые.
– Она повернулась к мужу. – Тир – гений. Настоящий. Такие рождаются раз в столетие. А ты его выгнал.

– Гении не нужны. Нужны солдаты.

– Солдаты выигрывают битвы. Гении выигрывают войны. – Лана покачала головой. – Но ты никогда этого не поймешь.

Она вышла, оставив Варга одного. Старый полковник смотрел в окно на сад, где десять лет назад трое мальчишек строили мост между деревьями.

Мост, который он только что сжег.

Вечер того же дня

Комната Гоя...

Гой сидел на подоконнике и смотрел на звезды. В комнату вошел Нанан. Глаза красные, нос распух. Сел на кровать, обхватил колени руками.

– Он ушел, – сказал Нанан. – Совсем.

– Я знаю.

– Мы его больше не увидим?

– Увидим. – Гой не обернулся. – Он обещал.

– Отец запретил.

– Отцу плевать. – Гой повернулся к брату. – Ты слышал, что Тир сказал? Мы не перестанем быть братьями. Никогда. Запомни это. Что бы ни случилось, где бы мы ни были – мы братья.

Нанан кивнул. Вытер нос рукавом.

– Гой?

– М?

– А ты правда будешь генералом?

– Правда.

– И будешь командовать армией?

– Буду.

– И защитишь нас? Всех?

Гой посмотрел на брата. На его испуганное лицо, на мокрые глаза, на доверчивость.

– Защищу, – сказал он. – Обещаю.

Он не знал тогда, что это обещание станет самым трудным в его жизни. Что защищать придется не от врагов, а от своих. Что братья, которых он любит, окажутся по разные стороны баррикад.

Он не знал. Но уже чувствовал.

Где-то глубоко внутри, там, где кончаются приказы и начинается правда.

Три месяца спустя

Техническая академия, общежитие...

Тир сидел в крошечной комнате и читал электронное письмо. Письмо было от Гоя. Короткое, сдержанное, как все, что делал старший брат: «У меня все хорошо. У Нанана тоже. Держись. Мы помним. Твой брат Гой».

Тир улыбнулся. Потом начал писать ответ. О том, как устроена инженерная академия. О том, какие здесь преподаватели. О том, что он уже «придумал» новый тип двигателя, который изменит все.

Он писал и знал, что это письмо, может быть, никогда не дойдет. Что отец перехватывает почту. Что риск велик.

Но он писал. Потому что обещал. Потому что братья – это навсегда. Даже если весь мир против.

ГЛАВА 8. РАССВЕТ

Прошло пять лет

Планета Харран, Имперская военная академия

Полигон «Красный ветер».

Гой стоял на наблюдательной вышке и смотрел, как внизу отрабатывают маневры курсанты младших курсов.

Двадцать три года. Лейтенант. Лучший выпускник своего потока. Инструктор тактики – временно, до первого боевого назначения. Впереди – война, слава, генеральский мундир. Все по плану.

– Лейтенант Гой, – раздался голос сзади.

Он обернулся. Адъютант академии, молодой капитан с вечно озабоченным лицом, протягивал планшет.

– Приказ из штаба. Ваше первое назначение. Через две недели вы отправляетесь на фронт.

Гой взял планшет. Пробежал глазами строки. Система Карринг, сектор обороны, должность командира взвода легких крейсеров. Не бог весть что, но для начала – достойно.

– Благодарю, капитан.

– Поздравляю, лейтенант. – Капитан помялся. – И... там внизу вас ждут. В парке. Сказали, что по личному делу.

Гой поднял бровь. Личные дела? У него не было личных дел. Были только учебные, тактические и стратегические. Но он пошел.

Парк академии, аллея старых дубов...

Она ждала его у фонтана. Элина. Девятнадцать лет. Дочь Верховного координатора Ванна. Та самая, с которой он танцевал на приеме полгода назад. Та самая, которая сказала тогда: «Вы странный, лейтенант. Вы говорите о войне, как о математике. Но в глазах у вас – поэзия». Он тогда рассмеялся. Редкий случай.

Сейчас она стояла у фонтана, в простом светлом платье, и крутила в руках цветок. Увидев Гоя, улыбнулась – светло, открыто, чуть смущенно.

– Лейтенант Гой. Я боялась, что вы не придете.

– Вы сказали – личное дело. – Он подошел ближе. – У меня нет личных дел, но для вас я сделал исключение.

– Для меня? – она подняла бровь, копируя его интонацию. – Лейтенант делает исключение для простой девушки? Как лестно.

– Вы не простая девушка. Вы дочь Верховного координатора.

– А вы не просто лейтенант. Вы сын полковника Гойя, внук адмирала, правнук министра.

– Она улыбнулась. – Мы оба не простые. Но сейчас, здесь можем быть просто людьми?

Гой посмотрел на нее. На светлые волосы, собранные в небрежный пучок. На серые глаза, в которых плясали солнечные зайчики. На улыбку – чуть насмешливую, чуть робкую, живую.

– Можем, – сказал он.

И сам удивился тому, как легко это слово сорвалось с губ.

Они гуляли по парку до самого заката. Говорили о чем-то неважном – о погоде, об академии, о книгах, которые читали в детстве. Гой рассказывал о братьях, о Тире, которого выгнали из дома, о Нанане, который сейчас в корпусе гончих и пишет восторженные письма. Элина слушала, кивала, задавала вопросы.

А потом, когда солнце уже касалось горизонта, она остановилась и посмотрела на него серьезно.

– Гой. Я знаю, что вы уезжаете. Через две недели. На фронт.

– Откуда?

– У меня есть источники. – Она улыбнулась, но улыбка вышла грустной. – Я хотела... я хотела сказать вам, пока вы не уехали. То, что неудобно говорить на приемах.

– Говорите.

– Я... – она запнулась, отвела взгляд. – Я очень хочу, чтобы вы вернулись. Живым. И чтобы, когда вы вернетесь... мы могли бы... – она замолчала, подбирая слова.

Гой смотрел на нее и чувствовал, как внутри разливается что-то теплое. То, чего он не позволял себе чувствовать никогда. То, что мать называла «опасной слабостью».

– Элина, – сказал он. – Я вернусь. Я обещаю.

– Вы не можете обещать. На войне...

– Я вернусь, – повторил он твердо. – Потому что меня ждут. Потому что я должен стать генералом. Потому что... – он сделал шаг ближе, – потому что я хочу, чтобы, когда я стану генералом, вы стали моей женой.

Она замерла. Посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Вы... вы это серьезно?

– Я никогда не шучу. – Он почти улыбнулся. – Спросите любого, кто меня знает.

Девушка молчала долго. Потом улыбнулась – той самой улыбкой, от которой у него внутри все переворачивалось.

– Тогда я буду ждать, – сказала она. – Сколько потребуется.

Они стояли под старым дубом, и закат золотил их волосы, и где-то вдалеке кричали птицы, и жизнь казалась бесконечной.

Гой не знал тогда, что этой девушке суждено стать не его женой, а женой его брата. Что их разговор под дубом станет воспоминанием, которое будет жечь его много лет.

Он не знал. Но чувствовал, что этот момент – особенный. Что такие моменты надо запоминать. На всю жизнь.

Корпус гончих, планета Харран

Кадетское общежитие...

Нанан лежал на кровати и листал планшет. Двадцать один год. Кадет элитного корпуса гончих – разведывательно-добытческого подразделения, куда брали только лучших из лучших. Красивый, легкий, обаятельный – он нравился всем. Преподавателям, сокурсникам, девушкам. Особенно девушкам.

– Нанан! – в комнату влетел его сосед, Рик, запыхавшийся и возбужденный. – Там это... тебя спрашивают. Внизу.

– Кто?

– Девушка. Красивая. Говорит, что с медицинского факультета.

Нанан вздохнул. Поднялся, поправил форму, подошел к зеркалу.

– Как ее зовут?

– Не сказала. Сказала, что хочет тебя видеть.

– Они все хотят меня видеть. – Нанан усмехнулся своему отражению. – Ладно. Иду.

Он спустился в холл. Девушка ждала у входа – высокая, темноволосая, смущенная. Увидев Нанана, покраснела.

– Кадет Нанан Гой? Я... я Мира. С инженерного. Мы встречались на прошлой неделе, на лекции по навигации...

– Помню. – Нанан улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой. – Вы задали вопрос о гравитационных колодцах. Очень умный вопрос.

– Вы запомнили? – она просияла.

– Я запоминаю все, что касается красивых девушек. – Он взял ее за руку. – Пойдемте, прогуляемся? Здесь есть отличное кафе через дорогу. Она кивнула, счастливая.

Нанан вел ее под руку и думал о том, что, наверное, это неправильно. Что нельзя так легко, так просто – менять девушек как перчатки. Что Гой, наверное, осудил бы его. Но Гой далеко. А жизнь – здесь. И жизнь – прекрасна.

Он не знал тогда, что все эти легкие романы – только разминка.

Техническая академия, лаборатория

Ночь...

Тир сидел за столом и чертил. Девятнадцать лет. Гений, как называли его преподаватели. Изобретатель, как говорили друзья. Предатель семьи, как считал отец и мать.

Он жил в общежитии, в крошечной комнате, заваленной чертежами и деталями. Питался чем придется. Спал урывками. Но был счастлив. Потому что он делал то, что любил.

– Тир! – в лабораторию заглянул его друг, Марк, тоже студент. – Ты еще здесь? Уже третий час ночи!

– Работаю, – не оборачиваясь, ответил Тир.

– Над чем?

– Новый тип двигателя. Если получится, корабли будут тратить на тридцать процентов меньше топлива при прыжках.

Марк присвистнул.

– Тридцать процентов? Ты шутишь?

– Я никогда не шучу про двигатели.

Марк подошел ближе, заглянул через плечо. На чертежах было что-то сложное, красивое, почти живое.

– Слушай, – сказал Марк. – Тут сегодня на приеме твоего отца видели. Он с военными разговаривал. И они его хвалили.

– За что?

– За тебя.

Тир замер. Повернулся.

– Что?

– Говорят, военные в восторге от твоих проектов. Особенно от тех, что ты в прошлом году сдал в комиссию. Новый тип буксира, кажется. Они сказали твоему отцу: «Ваш сын – гений, полковник. Империя будет ему благодарна».

– И что он?

– Фыркнул. Сказал: «У меня нет сына-инженера. Есть сын-военный и сын-гонимая. А этот... этот не мой».

Тир отвернулся к чертежам.

– Я знал, что он так скажет.

– Тир... – Марк положил руку ему на плечо. – Тебе не больно?

– Нет. – Тир покачал головой. – Уже нет. Когда-то было. А теперь... теперь у меня есть работа. Есть вы. Есть братья, которые пишат мне тайком. Есть цель. А отец... отец пусть живет своей ненавистью. Это его выбор. Он снова склонился над чертежами.

– Тридцать процентов экономии топлива, – пробормотал он. – Представляешь, сколько жизней это спасет?

Марк смотрел на друга и думал о том, что Тир – самый сильный человек из всех, кого он знает. Не потому, что может поднять штангу или победить в драке. А потому, что умеет прощать. Умеет не озлобляться. Умеет делать свое дело, даже когда весь мир против.

– Тир, – сказал Марк. – Ты гений. Настоящий.

– Знаю. – Тир улыбнулся, не оборачиваясь. – Иди спать, Марк. Завтра тяжелый день.

Марк вздохнул и ушел. А Тир остался сидеть над чертежами, в полутемной лаборатории, под тихое гудение приборов. Он думал о Гое. О Нанане. О том дне, когда они снова встретятся – все трое, как в детстве. Он верил, что этот день настанет.

Неделю спустя

Военный космопорт Харрана...

Гой стоял у трапа и смотрел на толпу провожающих.

Мать – сдержанная, с идеальной укладкой, с правильными словами. Отец – сухой, подтянутый, с напутствием: «Не опозорь семью». Нанан – обнимающий, взволнованный, шепчущий: «Береги себя, брат». И Элина. Она стояла чуть поодаль, в сером плаще, с глазами, полными слез, которые она старательно прятала за улыбкой. Гой незаметно подошел к ней.

– Я вернусь, – сказал он.

– Я знаю.

– Я стану генералом.

– Знаю.

– И ты станешь моей женой.

Она улыбнулась – сквозь слезы, сквозь ветер, сквозь гул двигателей.

– Знаю, – сказала она. – Я буду ждать.

Он поцеловал ее. Впервые. Легко, почти невесомо. Потом развернулся и пошел к трапу.

– Гой! – крикнула она вдогонку.

Он обернулся.

– Я люблю тебя!

Он кивнул. Один раз. Коротко. И поднялся на борт.

Корабль взлетел, унося его к звездам, к войне, к судьбе. А она осталась стоять на бетонном полу, под холодным ветром, и сжимать в руке цветок, который он подарил ей вчера. Ждать.

Она не знала тогда, что ждать придется долго. И что дождется – но совсем не того, о чем мечтала.

В ту же ночь

Техническая академия...

Тир сидел на крыше общежития и смотрел на звезды.

Он знал, что где-то там, среди этих звезд, сейчас летит его брат. Что Гой отправляется на войну. Что, может быть, они больше никогда не увидятся.

Он достал из кармана маленький кристалл – передатчик. Нажал кнопку.

– Гой, – сказал он в пустоту. – Если ты это услышишь знай, я горжусь тобой. И я построю для тебя самый лучший корабль. Когда-нибудь. Обещаю. Он выключил передатчик и посмотрел на небо. Звезды молчали. Но Тир знал, что брат слышит. Потому что братья всегда слышат друг друга. Даже через космос. Даже через войну. Даже через всю эту бесконечную, тяжелую жизнь.

ГЛАВА 9. ВОРОВСКИЕ ВЕРФИ

Станция «Кузница» – Военный совет Империи

Два дня спустя после заседания Совета

Зал был заполнен людьми в мундирах. Тир стоял у дальней стены, среди адъютантов и младших офицеров, и чувствовал себя чужим. Вокруг говорили о флангах, о снабжении, о потерях – на языке, который он понимал, но который никогда не был его родным. Его родным был язык чертежей, формул, расчетов.

– Инженер Гой. – Голос адъютанта выдернул его из размышлений. – Вас ждут.

Тир кивнул и пошел через зал. Мундиры расступались перед ним – не из уважения, а из любопытства. Гражданский на военном совете? Странно. Молодой? Еще страннее. Но имя Гой заставляло людей молчать и пропускать.

За длинным столом в центре зала сидели те, кто действительно решал судьбы Империи. Главный Координатор Совета, военный министр, начальник разведки, командующий флотом. И в дальнем конце – человек, которого Тир узнал сразу.

Адмирал Корран. Легенда. Командующий ударными силами особого назначения. Тот, под чьим началом ходили лучшие из лучших – гончие.

– Инженер Тир Гойя, – адмирал поднялся. Высокий, сухой, с лицом, изрезанным шрамами и временем. – Рад наконец видеть вас не на голограмме. Ваши проекты произвели впечатление.

– Благодарю, адмирал.

– Садитесь. – Корран указал на стул напротив. – Разговор будет долгим.

Тир сел. Адмирал не спешил начинать. Он рассматривал Тира так, как рассматривают новый образец оружия – оценивая, прикидывая, на что тот способен.

– Вы знаете, что Совет принял решение, – сказал наконец Корран. – Проект «Возмездие» утвержден. Вы – главный конструктор.

– Я в курсе.

– Хорошо. Тогда следующий вопрос: вы знаете, кто будет командовать кораблем, когда вы его построите?

Тир нахмурился.

– Я полагал, это решит Совет.

– Совет решил. – Адмирал подался вперед. – Корабль такого класса не может достаться обычному капитану. Нужен лучший из лучших. Гончая с опытом, с интуицией, с удачей. Такой, который сможет доставить планету с самых дальних уголков мира.

– И кто же?

– Пока не решено. Кандидатов трое. Но... – Корран сделал паузу, – есть вероятность, что им станет ваш брат. Тир замер.

– Нанан?

– Да. Капитан Нанан Гойя. Лучший выпускник корпуса гончих за последние десять лет. Провел семнадцать успешных операций в тылу врага. Командует отрядом «Поглотители» – знаете таких?

– Знаю. – Тир кивнул. – Буксировщики планет.

– Именно. Он доказал, что способен на невозможное. Если кто и довезет снаряд до цели – то он.

Тир молчал, переваривая информацию. Нанан – на корабле, который он построит. Нанан – в сердце этой адской машины. Нанан – брат, которого он почти не видел десять лет.

– Вы против? – спросил адмирал.

– Нет. – Тир покачал головой. – Просто... неожиданно.

– Жизнь вообще штука неожиданная. – Корран усмехнулся. – Ладно. Это все детали. Главное – корабль. У вас есть допуск на Воровские верфи. Крупнейший завод галактики. Все ресурсы в вашем распоряжении. Срок – год.

– Я справлюсь.

– Знаю. – Адмирал встал, протягивая руку. – Удачи, инженер Гой. Империя на вас рассчитывает.

Тир пожал руку.

– Я не подведу.

Он вышел из зала и только в коридоре позволил себе выдохнуть. Нанан. Брат. Через столько лет.

Воровские верфи

Три дня спустя...

Это был самый большой завод, который Тир когда-либо видел.

Тысячи стапелей, доков, цехов, лабораторий. Миллионы рабочих. Корабли всех классов – от маленьких разведчиков до огромных дредноутов – строились здесь, ремонтировались, модернизировались.

Тир стоял на смотровой площадке и смотрел, как вдалеке собирают корпус нового линкора. Огромные секции, каждая размером с город, медленно сходились воедино под руководством гравитационных захватов.

– Впечатляет?

Тир обернулся. Нанан стоял в двух шагах от него. Десять лет. Десять долгих лет.

Он почти не изменился – та же легкая улыбка, те же живые глаза, те же вечно растрепанные волосы. Только форма другая – черная, с серебряными нашивками гончих, и на плечах – капитанские знаки различия.

– Нанан, – выдохнул Тир.

– Тир. – Нанан шагнул вперед, и через секунду они уже обнимались. Крепко, по-настоящему, как в детстве.

– Я скучал, – сказал Нанан в плечо брату.

– Я тоже, – ответил Тир. – Очень.

Они стояли так долго. Слишком долго для двух взрослых мужчин. Но никому не было дела – смотровая площадка была пуста.

– Пойдем, – сказал наконец Нанан, отстраняясь. – Тут есть место, где можно поговорить. И выпить. Ты пьешь?

– Иногда.

– Отлично. Пошли.

Кают-компания офицерского состава

Час спустя...

Они сидели в углу, за маленьким столиком, с двумя бокалами местного пива. Вокруг шумели офицеры, гремела музыка, кто-то пел – обычная вечерняя жизнь огромной верфи.

– Не ожидал тебя здесь увидеть, – сказал Нанан, отпивая из бокала. – Думал, ты в своей лаборатории, чертежи чертишь.

– Черчу. – Тир улыбнулся. – Но теперь чертить придется здесь. Совет назначил меня главным конструктором нового проекта.

– Знаю. – Нанан посерьезнел. – Мне сказали. Проект «Возмездие». Тот самый.

– Тот самый.

Они помолчали. Тема была тяжелой, и оба это чувствовали.

– Ты не обязан это делать, – тихо сказал Нанан. – Если не хочешь.

– Хочу. – Тир покачал головой. – Не сам корабль – ты же понимаешь. Но я хочу, чтобы если уж это неизбежно, корабль был лучшим. Чтобы он защищал тех, кто на нем. Чтобы давал шанс.

– Шанс на что?

– На возвращение.

Нанан посмотрел на брата долгим взглядом. Потом усмехнулся – но усмешка вышла грустной.

– Ты все такой же, Тир. Все веришь в чудеса.

– А ты? – Тир поднял бокал. – Ты веришь?

– Я верю в удачу. – Нанан чокнулся с ним. – И в то, что если уж умирать, то красиво.

– Не говори так.

– Почему? Это правда. Мы на войне, брат. Мы все умрем. Вопрос только – когда и как.

Тир смотрел на брата и чувствовал, как между ними растет что-то невидимое. Не вражда – нет. Просто... пропасть. Нанан говорил о смерти легко, как о чем-то обыденном. Тир не мог так. Для него смерть была врагом, которого нужно победить – технологиями, защитой, умом.

– Расскажи о себе, – попросил Тир, меняя тему. – Как ты? Как служба?

Нанан оживился.

– О, служба отлично! Ты не представляешь, что мы делаем. Буксируем планеты через полгалактики. Это же... это приключение, Тир! Настоящее! Враг охотится, мы уходим, маневрируем, иногда стреляем. А когда притаскиваем планету на место – это такое чувство... будто гору свернул.

– Опасно?

– Конечно опасно. В этом и кайф.

Тир покачал головой.

– Ты не изменился. Все такой же авантюрист.

– А ты все такой же зануда, – усмехнулся Нанан. – Помнишь, в детстве ты всегда говорил: «Нанан, не лезь, упадешь». А я лез и не падал.

– Один раз упал. С того дерева. Руку сломал.

– Но зато как круто было! – Нанан рассмеялся. – Мы тогда мост строили, помнишь? Ты чертил, Гой командовал, я лазил. Лучшее время было.

– Было. – Тир улыбнулся воспоминанию.

– Как Гой? – спросил Нанан, и в голосе его появилась серьезность. – Ты с ним говорил?

– Вчера. По видео. Он на фронте, как всегда. Говорит, все хорошо.

– Врет, наверное. Он всегда врет, когда плохо.

– Знаю. – Тир вздохнул. – Но что мы можем сделать? Он солдат. Это его выбор.

- Его выбор, – повторил Нанан. – А наш? Мы вообще выбирали?
Тир посмотрел на брата. Впервые за вечер – серьезно, внимательно.
– Ты о чем?
– Обо всем. – Нанан откинулся на спинку дивана. – Отец выгнал тебя. Гой ушел на войну. Меня сделали гончим. Мы все делаем то, что должны, а не то, что хотим. Ты хоть счастлив?
– Счастлив, – ответил Тир не задумываясь. – Когда работаю. Когда придумываю новое. Когда понимаю, что мои корабли спасают жизни.
– А в остальное время?
– В остальное время... – Тир пожал плечами. – В остальное время я просто живу. Нанан кивнул, но в глазах у него было что-то... тоска? Зависть? Тир не мог понять.
– А ты? – спросил он. – Ты счастлив?
– Я? – Нанан усмехнулся. – Я всегда счастлив, брат. Посмотри вокруг. Он обвел рукой зал, полный людей.
– Офицеры, друзья, женщины... – Он подмигнул. – Кстати, о женщинах. Ты видел, какие тут красавицы? Административный корпус просто кишит...
– Ты же женишься скоро, – напомнил Тир.
Нанан замер. Улыбка сползла с его лица.
– Откуда ты знаешь?
– Мать написала. Гордится. – Тир помолчал. – Элина, да? Дочь Верховного координатора.
– Да.
– Ты ее любишь?
Нанан отвел взгляд.
– Она хорошая.
– Я спросил не об этом.
– Знаю. – Нанан допил пиво одним глотком. – Слушай, Тир, давай не будем. Это сложно.
– Почему?
– Потому что... – Нанан замялся. – Потому что я не знаю, что чувствую. Она красивая, умная, добрая. С ней легко. Но я не знаю, любовь ли это. Я вообще не уверен, что умею любить.
Тир смотрел на брата и видел то, чего Нанан, кажется, не видел сам. Растерянность. Страх. Одиночество.
– Ты умеешь, – сказал он тихо. – Ты просто боишься.
– Чего?
– Что тебя разлюбят или что ты разлюбишь. Или что все это – неправда.
Нанан молчал.
– Ты всегда был таким, – продолжил Тир. – Легким, веселым, со всеми дружил, всем нравился. Но близко никого не подпускал. Даже нас с Гоем – не до конца.
– Это неправда.
– Правда. – Тир покачал головой. – Ты хороший актер, Нанан. Но я твой брат. Я вижу. Нанан отвернулся. Долго смотрел в стену.
– Может быть, – сказал он наконец. – Может быть, ты прав. Не знаю. Я запутался.
– Это нормально.
– Нормально? – Нанан усмехнулся. – Ничего не нормально, Тир. Мы живем в аду. Война восемьсот лет. Миллиарды мертвых. И я должен делать вид, что все хорошо, что я счастлив, что я справлюсь. А я не знаю, справлюсь ли.
Тир положил руку ему на плечо.
– Справишься. Ты сильный.
– Я не сильный. Я просто умею улыбаться.
– Это и есть сила.

Нанан посмотрел на брата. В глазах у него блесло что-то – может быть, слезы, может быть, отблески света.

– Спасибо, – сказал он тихо. – За то, что ты есть.

– Всегда, брат. Всегда.

Ночь

Каюта Тира на Воровских верфях...

Тир сидел перед голографическим экраном и ждал. Связь с фронтом была сложной – сигнал шел через ретрансляторы, с задержками, с помехами. Но когда на экране появилось лицо Гоя, Тир забыл обо всем.

– Брат, – сказал Гой. Голос его звучал устало, но в глазах была теплота.

– Гой. – Тир улыбнулся. – Как ты?

– Жив. Воюю. Как обычно.

– Ты плохо выглядишь.

– Спасибо за комплимент. – Гой почти усмехнулся. – У нас тут тяжелые бои. Коалиция ожесточенно сопротивляется.

– Береги себя.

– Стараюсь.

Они помолчали. Связь немного плавала, изображение то пропадало, то появлялось.

– Я на Воровских верфях, – сказал Тир. – Буду строить новый корабль, ну ты и так это знаешь.

– Знаю. Я генерал, Тир. Мне положено знать.

Тир кивнул.

– Нанан здесь, – сказал он. – Мы сегодня говорили.

Гой нахмурился.

– Как он?

– Такой же, как всегда. – Тир улыбнулся. – Веселый, легкий, вокруг него девушки вьются. Ты бы видел. Настоящий шалопай.

– Он всегда был таким.

– Знаю. Но... – Тир замялся. – Мне кажется, это маска. Он несчастлив, Гой. Глубоко внутри. Он просто не показывает.

Гой молчал долго. Потом сказал:

– Ты прав. Он всегда прятался за улыбкой. Еще с детства.

– Что нам делать?

– Ничего. – Гой покачал головой. – Мы не можем за него прожить его жизнь. Он сам должен разобраться.

– А если не разберется?

– Разберется. – В голосе Гоя появилась сталь. – Он Гой. Мы все разбираемся. Рано или поздно.

Тир вздохнул.

– Ты прав, наверное. Просто... я волнуюсь за него.

– Я тоже. Но сейчас у нас у всех есть работа. Ты строй корабль. Я воюю. Нанан... Нанан пусть делает свое дело. А когда война кончится – тогда и поговорим.

– Когда война кончится, – повторил Тир. – Ты правда веришь, что она кончится?

Гой посмотрел на брата через разделяющие их парсеки.

– С вашей помощью – верю. Снаряды, которые ты поможешь создать, изменят всё.

– Или уничтожат всё.

– Это одно и то же, Тир. Иногда, чтобы создать новое, нужно разрушить старое.

Тир молчал. Спорить не хотелось.

– Ладно, – сказал он. – Тебе пора, наверное.

– Пора. – Гой кивнул. – Береги себя, брат. И Нанана береги.

– Обещаю.

– Я позвоню, когда будет возможность.

– Жду.

Экран погас. Тир сидел в темноте и смотрел на звезды за иллюминатором.

Где-то там, в этой бесконечной черноте, воевал его старший брат. Где-то здесь, на этой огромной верфи, метался в поисках себя его средний брат. А сам он сидел в каюте и готовился «строить» корабль, который должен был изменить всё. Он думал о словах Гоя. О Нанане. О матери и отце. О войне, которая длится восемьсот лет. И о том, что завтра начнется работа. Много работы. Очень много. Тир встал, подошел к столу, развернул чертежи. Спать не хотелось. Хотелось строить. Он улыбнулся своим мыслям и взял в руки карандаш.

– Завтра, – сказал он тихо. – Завтра начнем. А пока – еще немного поработаем.

Тир рухнул на кровать, в два часа ночи. Затра ему по настоящему познакомится с Воровскими верфями.

ГЛАВА 10. ВОРОВСКИЕ ВЕРФИ СОН

Они не вдали, когда называли это планетой. Воровские верфи не были построены на планете – они были планетой. Огромный искусственный мир, выросший за пятьсот лет из маленькой ремонтной станции в нечто, не имеющее аналогов во всей обитаемой галактике.

Тир смотрел на приближающуюся конструкцию через иллюминатор своего шаттла и не мог отвести взгляд.

– Красиво, правда? – пилот, пожилой ветеран с нашивками пятидесятилетней выслуги, усмехнулся в усы. – Я когда первый раз увидел, думал, галлюцинация. Такое не может существовать.

– Может, – тихо ответил Тир. – Если очень захотеть и не жалеть ресурсов.

Воровские верфи занимали объем, сравнимый с небольшой планетой земного типа. Три концентрические сферы, вложенные друг в друга, соединенные тысячами переходов, стыковочных узлов, транспортных артерий. Внешняя сфера – доки и стапели, где строились корабли. Средняя – жилые сектора, лаборатории, административные центры. Внутренняя – сердце верфи, гигантский плазменный реактор, питающий все это чудо инженерной мысли.

Вокруг верфи, как мошки вокруг лампы, кружили тысячи кораблей. Транспортники, буксиры, патрульные катера, исследовательские суда. Они влетали в доки, вылетали из доков, ждали очереди на стыковку в бесконечной очереди, напоминающей муравьиную тропу.

– Два миллиона человек, – сказал пилот, заметив взгляд Тира. – Постоянно. А с временными – до пяти. Целый город. Нет, целая страна.

– Сколько кораблей в год?

– Сейчас – около трехсот боевых единиц. Плюс гражданские, плюс ремонт. Если мобилизовать все мощности – могут выдавать по кораблю в день. Но так никто не делает, ресурсов не хватит.

Тир кивнул, запоминая цифры. Инженерная часть его мозга уже работала, прикидывая логистику, потоки материалов, оптимальные маршруты перемещения.

Шаттл нырнул в один из бесчисленных стыковочных туннелей внешней сферы. На секунду стало темно, потом зажглись направляющие огни, и начался обратный отсчет до стыковки.

– Пристегнитесь, инженер, – сказал пилот. – Сейчас будет небольшой толчок.

Толчок был совсем небольшим. Через минуту люки открылись, и Тир ступил на металлический пол Воровских верфей.

Воздух пах металлом, озоном и чем-то еще, неуловимым – может быть, просто самой жизнью этого огромного механизма.

Внешняя сфера, стапель 47-Альфа...

Главный инженер верфи, пожилая женщина с лицом, изрезанным морщинами, и руками, покрытыми шрамами от бесчисленных производственных травм, вела Тира по бесконечным коридорам.

– Здесь у нас линейка средних крейсеров, – говорила она, указывая на огромные створки шлюзов. – Три стапеля одновременно, цикл сборки – четыре месяца. Дальше – тяжелые дредноуты, но их сейчас мало заказывают, ресурсов не хватает.

Тир слушал вполуха. Он смотрел по сторонам, впитывая информацию всеми органами чувств. Вокруг кипела жизнь. Тысячи рабочих в защитных комбинезонах сновали по переходам, управляли кранами, варили швы, проверяли системы. Грохот стоял невообразимый – стучали молотки, гудели двигатели, шипели сварочные аппараты, орали динамики, объявляя смены и предупреждая об опасности.

– Шумно, – прокомментировал Тир.

– Привыкнете, – усмехнулась главный инженер. – Через неделю перестанете замечать. А через месяц будете просыпаться, если тихо.

Они вышли на смотровую площадку, нависающую над самым большим стапелем, который Тир когда-либо видел.

– Это 47-Альфа, – сказала женщина. – Самый крупный стапель на верфи. Здесь строили «Император» – помните такой?

– Легендарный дредноут, – кивнул Тир. – Флагман флота сто лет назад.

– Он самый. Сейчас стапель пустует. Ждет ваш проект.

Тир смотрел вниз. Огромное пространство, освещенное тысячами прожекторов, уходило в темноту. Там, внизу, могли бы поместиться несколько городских кварталов. Там, внизу, через несколько месяцев начнет собираться корабль, которого еще не существовало.

– Сколько человек здесь работает? – спросил он.

– На этом стапеле? Около пятидесяти тысяч в три смены. Плюс инженеры, плюс снабженцы, плюс контроль. Для вашего проекта выделяют лучших.

Тир кивнул.

– Мне нужно будет встретиться с командами. Со всеми. Объяснить, что мы строим.

– Они уже знают. – Женщина помрачнела. – Слухи разносятся быстро. Проект «Возмездие»... люди понимают, что это значит.

– И что? – Тир повернулся к ней. – Есть недовольные?

– Есть. – Она встретила его взгляд прямо. – Те, кто не хочет строить машину смерти. Но таких мало. Большинство... большинство просто делает свою работу. Как всегда.

Тир молчал. Он думал о том, что через несколько месяцев эти пятьдесят тысяч человек будут строить корабль, который принесет смерть миллиардам. И они будут делать это хорошо, потому что они профессионалы.

– Ведите дальше, – сказал он. – Мне нужно увидеть всё.

Средняя сфера, жилой сектор 12...

Жилые сектора Воровских верфей напоминали гигантский муравейник – бесконечные коридоры, переходы, лифты, эскалаторы, соединяющие тысячи одинаковых блоков. В каждом блоке – комнаты для рабочих, столовые, душевые, комнаты отдыха.

– Двухъярусные койки, – комментировала главный инженер, пока они шли по очередному коридору. – На одного человека – четыре квадратных метра личного пространства. Роскоши нет, но чисто, тепло и безопасно.

– Семейные?

– Есть отдельные сектора для семей. Но большинство – одиночки. Люди приезжают сюда работать на несколько лет, зарабатывают деньги, уезжают. Текучка огромная.

Они зашли в столовую. Огромный зал, человек на тысячу, был полон народу. Рабочие ели, пили, разговаривали, смеялись. Кто-то смотрел голограммы новостей, кто-то играл в карты, кто-то просто сидел, уставившись в одну точку.

– Кормят прилично, – сказала инженер. – Бесплатно. Три раза в день. По праздникам – выпивка.

Тир смотрел на лица. Усталые, молодые, старые, надеющиеся, разочарованные, равнодушные. Люди. Просто люди, которые каждый день приходят на работу и строят корабли.

– Сколько зарабатывает обычный сварщик? – спросил он.

– Зависит от разряда. Начинающие – около тысячи кредитов в цикл. Мастера – до пяти. Если работать сверхурочно – можно и десять получить.

– Много.

– Для Империи – да. Но работа адская. Шум, вибрация, риск для здоровья. Через десять лет такой работы люди становятся инвалидами.

– И что потом?

– Потом – пенсия. Если доживут.

Тир кивнул. Он знал эту статистику. Средняя продолжительность жизни рабочего на верфях – сто двадцать лет. На двадцать девять меньше, чем в среднем по Империи. Плата за труд.

– Пойдемте, – сказал он. – Показывайте лаборатории.

Внутренняя сфера, исследовательский центр...

Здесь было тихо. После грохота внешней сферы и гула жилых секторов тишина исследовательского центра казалась почти неестественной. Мягкий свет, ковровые покрытия на полу, стены, обшитые звукопоглощающими панелями. Люди в белых халатах, говорящие шепотом.

– Здесь работают над новыми технологиями, – пояснила главный инженер. – Двигатели, вооружение, защитные поля. Лучшие умы Империи.

– Я знаю. – Тир смотрел по сторонам. – Я переписывался с некоторыми из них. По теории гравитационных полей.

– А, так вы тот самый Тир Гойя, – раздался голос сзади.

Тир обернулся. Пожилой мужчина в белом халате, с бородой и умными глазами, смотрел на него с интересом.

– Доктор Спайк, – представился он. – Заведующий отделом гравитации. Ваши работы по компенсации инерционных перегрузок произвели фурор в наших кругах.

– Благодарю. – Тир пожал протянутую руку. – Ваши исследования по стабильности гравитационных колодцев я тоже читал. Блестяще.

– Мы сможем поговорить? – доктор Спайк загорелся. – У меня есть несколько идей, которые...

– Позже, – перебила главный инженер. – У инженера Гойя плотный график. Ему нужно увидеть всё до конца смены.

– Конечно, конечно. – Спайк отступил. – Но я буду ждать. Обязательно заходите.

Они пошли дальше. Лаборатории сменяли друг друга – физика плазмы, материаловедение, кибернетика, навигационные системы. Тир смотрел, запоминал, задавал вопросы. Иногда останавливался у приборов, уточнял характеристики, делал пометки в планшете.

– Вы как губка, – заметила главный инженер. – Впитываете всё.

– Это моя работа, – ответил Тир. – Чтобы построить корабль, я должен знать, на что способны те, кто будет его создавать.

– И на что мы способны?

– На многое. – Тир остановился у окна, выходящего прямо на реакторное ядро верфи. Огромный шар плазмы пульсировал внизу, как сердце гигантского зверя. – На очень многое. Вопрос в том, хватит ли нам времени.

– Время – единственное, чего у нас всегда не хватает.

Тир кивнул.

– Ведите дальше. Мне нужно увидеть складские комплексы.

Складские комплексы, сектор 89-Дельта...

Склады Воровских верфей занимали объем, сравнимый с небольшим астероидом.

Тир стоял на краю бесконечного пространства, заполненного штабелями материалов. Сталь, титан, редкоземельные элементы, композиты, полимеры, готовые блоки, детали двигателей, оружейные стволы – всё это громоздилось до самого потолка, теряясь в темноте.

– Здесь запас на два года, – сказала главный инженер. – Если мобилизовать все ресурсы Империи – можно пополнить за полгода. Если нет – будем работать на том, что есть.

– Барк-сталь есть?

– Есть. Ограниченно. Поставки нерегулярные.

– Понятно.

Тир прошелся вдоль штабелей, касаясь рукой холодного металла. Он чувствовал его структуру, его прочность, его потенциал. В каждой детали здесь была заложена возможность – стать кораблем, спасти жизни, убить врагов.

– Сколько людей здесь работает? – спросил он.

– Около десяти тысяч. Грузчики, логисты, контролеры.

– Им тяжело?

– Как везде. – Женщина пожала плечами. – Работа есть работа. Кто-то жалуется, кто-то терпит, кто-то радуется, что есть кусок хлеба.

Тир кивнул. Он думал о том, что каждый из этих десяти тысяч – человек. Со своей жизнью, со своей судьбой, со своими мечтами. И все они – часть огромного механизма, который называется Воровские верфи.

– Пойдемте, – сказал он. – Мне нужно в административный центр. Оформлять документы.

Административный центр, кабинет директора верфи

Директор Воровских верфей был маленьким, сухим человеком с лысой головой и пронзительными глазами. Он сидел за огромным столом, заваленным бумагами и планшетами, и смотрел на Тира без всякого выражения.

– Инженер Гойя, – сказал он. – Садитесь.

Тир сел.

– Вы знаете, зачем я здесь.

– Знаю. – Директор откинулся в кресле. – Проект «Возмездие». Самый амбициозный проект за последние сто лет. И вы – главный конструктор.

– Да.
– Молоды вы для такого.
– Талант не зависит от возраста.
Директор усмехнулся.
– Дерзкий. Это хорошо. Дерзость нужна, чтобы браться за невозможное. – Он помолчал.
– У вас будут все ресурсы, какие запросите. Люди, материалы, стапели. Но есть условие.
– Какое?
– Срок – год. Никаких задержек. Если опоздаете – Совет будет недоволен. А когда Совет недоволен, страдают все.
– Я уложусь.
– Уверены?
– Абсолютно.
Директор смотрел на него долго. Потом кивнул.
– Хорошо. Документы готовы. С завтрашнего дня вы – главный конструктор проекта «Возмездие». Ваш кабинет – в башне управления, пятьдесят седьмой уровень. Жилье – там же, в резиденции для высшего персонала. Питание – в офицерской столовой. Допуск – максимальный, уровень «Альфа-один».
– Благодарю.
– Не благодарите. – Директор встал, протягивая руку. – Просто сделайте свою работу. Лучше, чем кто-либо мог бы.
Тир пожал руку.
– Сделаю.
Он вышел из кабинета и остановился в коридоре. За огромным окном открывался вид на внутреннюю сферу – пульсирующее ядро реактора, бесконечные переходы, огни тысяч помещений.
Где-то там, в этом огромном мире, завтра начнется его новая жизнь. Год, который изменит всё.

Вечер того же дня

Резиденция для высшего персонала, уровень 57...

Тир стоял у окна и смотрел на звезды. Квартира была роскошной по меркам верфи – две комнаты, отдельная ванная, кухонный уголок, мягкая мебель. Но Тир не замечал удобств. Он смотрел наружу, туда, где за толстым бронестеклом начинался космос.

Где-то там, за миллиарды километров, воевал Гой. Где-то здесь, на этой верфи, метался Нанан.

А он, Тир, должен был построить корабль.

Корабль, который принесет смерть.

Корабль, который изменит ход войны.

Корабль, который, может быть, спасет миллионы жизней – или уничтожит всё. Корабль который он даже еще не мог представить.

Он думал о братьях. О Гое, который верит в победу любой ценой. О Нанане, который не верит ни во что, кроме удачи. О себе, который верит в то, что технологии могут всё – даже искупить вину.

– Завтра, – сказал он тихо. – Завтра начнем.

Он отошел от окна, сел за стол, развернул чертежи. Работа ждала.

ГЛАВА 11. ТУПИК

Воровские верфи, башня управления

Пятьдесят седьмой уровень, кабинет главного конструктора

Тридцать первый день проекта «Возмездие»

Чертежи покрывали все стены. Тир сидел за столом, заваленным планшетами, распечатками, расчетами, и смотрел в одну точку. Тридцать дней. Тридцать бессонных ночей. Тридцать попыток найти решение, которое всё не приходило.

На голографическом экране перед ним висела модель корабля. Красивая. Обтекаемая. Совершенно бесполезная.

– Гравитационные компенсаторы не выдерживают расчетной массы, – бормотал Тир, водя пальцем по воздуху, перелистывая невидимые страницы расчетов. – Если увеличить мощность – реактор не тянет. Если уменьшить массу – проблемы. Если изменить форму...

Он замолчал. Форму он менял уже двадцать три раза. Результат был один – корабль либо разваливался при первых испытаниях модели, либо не влезал в стапель, либо требовал таких объемов энергии, каких не могла дать вся верфь. Проблема была проклятой.

Корабль должен был тащить планету массой больше собственной в сотни тысяч раз. Это означало колоссальные нагрузки на корпус, на двигатели, на гравитационные компенсаторы. Но главное – он должен был проходить сверхсветовые расстояния без эмириума. Без газа Коалиции. Без того самого ресурса, из-за которого война длилась восемьсот лет.

– Если бы мы могли синтезировать эмириум, – вздохнул Тир, – проблема была бы решена за неделю. Но мы не можем. Значит, нужен другой принцип.

Он встал, подошел к стене, где висела схема альтернативного двигателя. Ионно-импульсный. До смешного медленный. До Коалиции лететь пятьдесят лет.

– Не подходит.

Он перешел к другой стене. Гравитационный таран – использовать притяжение звезд для разгона. Теоретически возможно, но траектория будет такой кривой, что враг успеет собраться.

– Не подходит.

Третья стена. Квантовая телепортация. Технология существовала только в теории. Даже Тир, при всем своем гении, не знал, с какой стороны подступить.

– Не подходит. Не подходит. Не подходит.

Он опустился в кресло и закрыл глаза. В голове гудело. Тридцать дней без нормального сна, без нормальной еды, без нормального отдыха. Только цифры, формулы, чертежи, модели. И каждый раз – тупик.

Он вспомнил, как в детстве строил мост между деревьями. Тогда тоже было трудно – веревки скользили, узлы развязывались, доски ломались. Но тогда была радость. Было ощущение, что каждая неудача – просто шаг к успеху.

Сейчас радости не было. Была только тяжесть. Тяжесть ответственности. Тяжесть ожиданий. Тяжесть знания, что от его успеха зависят миллионы жизней.

– Гой бы справился, – сказал он вслух. – Гой бы просто приказал, и всё бы сделалось. Нанан бы придумал какой-нибудь безумный план и провернул бы его с улыбкой. А я...

Он замолчал. Мысли путались. Техническая невозможность. Логические ошибки. Каждое решение разбивалось о реальность, как волна о скалу.

Нужна была принципиально новая идея. То, чего никто еще не придумал. То, что перевернет всё. Но идея не приходила.

Два дня спустя

Тридцать третий день проекта...

– Инженер Гойя Тир, – голос в динамике был осторожным, – к вам делегация из отдела материаловедения. Говорят, срочно.

– Пусть войдут.

Дверь открылась, и в кабинет ввалились трое ученых в белых халатах. Выглядели они так, будто тоже не спали несколько дней.

– Мы нашли! – выпалил первый, лысый, с глазами, горящими фанатичным огнем. – Сплав! Новый сплав! Прочность в три раза выше, чем у барк-стали!

– Вес? – спросил Тир устало.

– В два раза больше.

– Не подходит. Корабль и так тяжелый.

– Но прочность!

– Прочность без веса ничего не стоит. Если мы увеличим массу корпуса, двигатели не вытянут.

Ученые сникли.

– А если... – начал второй.

– Если уменьшить толщину брони? – перебил Тир. – Я думал. Тогда корабль не выдержит нагрузок при маневрировании.

– А если...

– Не надо «если». Я перебрал все варианты. Нужно что-то другое.

Ученые переглянулись и вышли. Тир остался один. Он подошел к окну, посмотрел на пульсирующее ядро реактора внизу. Там, в этом сердце верфи, кипела жизнь. Там работали люди, строили корабли, верили в победу.

А он, главный конструктор, не мог решить даже базовую проблему.

– Что бы ты сделал, Тир? – спросил он себя голосом отца, жестким, презрительным. – Сдался бы? Признал бы, что не справляешься?

– Нет, – ответил он себе голосом Гоя. – Ты не сдаешься. Ты ищешь решение.

– Ищешь уже месяц, – голос Нанана, насмешливый. – Может, пора признать, что его нет?

– Оно есть. – Тир сжал кулаки. – Должно быть.

Неделю спустя

Сороковой день проекта...

Тир не выходил из кабинета уже пять дней. Еда остывала у двери. Связь с братьями прервалась – он просто не брал трубку. Чертежи заполнили не только стены, но и пол, и потолок. На голографических экранах крутились десятки моделей, каждая со своими параметрами, каждая с ошибкой.

Он похудел. Под глазами залегли тени. Руки дрожали от недосыпа и бесконечного кофе.

– Скорость, – бормотал он, водя пальцем по расчетам. – Если увеличить скорость, уменьшится время в пути. Меньше времени – меньше нужна защита от радиации. Меньше защиты – меньше вес. Меньше вес – больше скорость.

Он остановился. Улыбнулся впервые за много дней.

– Замкнутый круг, но в хорошую сторону. Надо считать.

Он считал три часа. Потом еще два. Потом понял, что ошибся в исходных данных, и начал заново. К утру у него был результат.

– Не работает, – сказал он тихо. – Если увеличить скорость до нужной, корабль развалится от перегрузок при разгоне. Если уменьшить перегрузки – скорость падает. Если усилить корпус – растёт вес.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза. Перед внутренним взором поплыли обломки. Разрушенные корабли, мертвые люди, пустота.

– Я не могу, – прошептал он. – Впервые в жизни – не могу.

Три дня спустя

Сорок третий день проекта...

Тир сидел на полу, среди вороха чертежей, и смотрел в стену.

Он перестал считать дни. Перестал есть. Перестал отвечать на вызовы. Только сидел и смотрел.

Мысли ворочались тяжело, как камни.

– Гравитация, – сказал он вдруг. – Что если использовать гравитацию не для компенсации, а для движения?

Он вскочил, подбежал к столу, начал чертить. Час. Два. Пять.

– Не работает. Гравитационный двигатель требует колоссальных энергий. Реактор не тянет.

Он отбросил планшет. Тот ударился о стену и разбился.

– Квантовая запутанность, – снова забормотал он. – Перемещение материи через пространство. Теоретически возможно, но...

Он замолчал. Теоретически возможно значило «в лаборатории, на атомах, один раз из ста». Перенести на корабль размером с город – фантастика.

– Фантастика, – повторил он горько. – Вся моя жизнь – фантастика. А теперь нужна реальность.

Он опустился на пол, прислонился спиной к стене. Чертежи смотрели на него со всех сторон – немые, насмешливые, недостижимые.

– Гой бы сказал: «Встань и иди», – прошептал Тир. – Нанан бы сказал: «Расслабься, всё будет хорошо». Отец бы сказал: «Слабак».

А мать? Мать бы промолчала. Она всегда молчала, когда было трудно. Тир закрыл глаза. Перед ним возникло лицо Гоя – усталое, но твердое. Лицо Нанана – улыбающееся, но грустное. Лицо отца – презрительное. Лицо матери – непроницаемое.

– Я не подведу, – сказал он вслух. – Я не имею права.

Он попытался встать и не смог. Ноги подкосились, пришлось опереться о стену.

Когда он ел в последний раз? Два дня назад? Три?

– Надо поесть, – сказал он себе. – Надо поспать. Надо выйти.

Но вместо этого он снова уставился на чертежи. Решение было где-то здесь. Он чувствовал. Оно пряталось в формулах, в расчетах, в цифрах. Надо только найти.

Еще через пять дней

Сорок восьмой день проекта...

Тир стоял у окна и смотрел на звезды. За спиной громоздились горы бесполезных расчетов. Голографические экраны погасли – энергия в кабинете кончилась, а он не заметил. Планшеты разрядились. Даже аварийное освещение работало вполсилы.

Он не нашел решения. Сорок восемь дней ада, и ноль результата.

Каждая идея разбивалась о техническую невозможность. Каждый вариант упирался в физические законы, которые нельзя обмануть. Каждый чертеж оказывался красивой сказкой, не имеющей отношения к реальности.

– Я не гений, – сказал Тир тихо. – Я просто мальчик, который хорошо учился. А сейчас нужно чудо. А чудес не бывает.

Он посмотрел на свои руки. Грязные, в чернилах, в мелких порезах от бумаги. Руки инженера. Руки, которые не смогли. Где-то далеко, за миллионы километров, Гой вел в бой свои корабли. Где-то здесь, на этой верфи, Нанан флиртовал с очередной девушкой и делал вид, что всё хорошо.

А он, Тир, заперся в кабинете и пытался сделать невозможное.

– Надо выйти, – сказал он вдруг. – Надо подышать воздухом. Увидеть людей. Может быть, тогда...

Он не договорил. Идея была глупой. Какая разница, где сидеть – здесь или там? Решение не придет от смены обстановки. Но ноги уже несли его к двери. Рука легла на ручку.

– Я вернусь через час, – сказал он пустой комнате. – И продолжу.

Он открыл дверь, шагнул за порог... И дверь закрылась за его спиной. Тяжело, с металлическим лязгом.

Тир остался стоять в коридоре, глядя на серую металлическую поверхность, за которой остались сорок восемь дней его жизни.

И вдруг, впервые за долгое время, он почувствовал... облегчение.

– Хорошо, – сказал он тихо. – Хорошо.

И пошел к лифту.

ГЛАВА 12. ВЕЧЕРНИЙ КВАРТАЛ

Воровские верфи, нижний уровень

Вечерний квартал – сорок восьмой день проекта

Лифт шел вниз долго – минуты три, не меньше. Тир прислонился к холодной металлической стене и чувствовал, как вибрация пробегает по спине. Сорок восемь дней он не опускался ниже пятидесятого уровня. Сорок восемь дней он не видел никого, кроме ученых, инженеров и адъютантов.

Двери открылись, и его накрыло. Шум. Гул, грохот, музыка, крики, смех, ругань – все смешалось в единый вал, который ударил в уши, заставив поморщиться. Запахи – жареное мясо, дешевый алкоголь, пот, дым, сладкие духи – лезли в нос, смешиваясь в причудливый букет, от которого закружилась голова. Свет – разноцветный, мигающий, бьющий со всех сторон – резанул по глазам, привыкшим к мягкому белому освещению кабинета.

Тир сделал шаг вперед и оказался в другом мире. Вечерний квартал. Так называли эту часть нижнего уровня. Километры коридоров, переходов, тупиков, забитых барами, кабаками, закусочными, игровыми залами, дешевыми гостиницами и всем, что только мог пожелать уставший рабочий после смены.

Здесь жила настоящая верфь. Не та, стерильная и официальная, что на верхних уровнях, с кабинетами и лабораториями. А эта – грязная, шумная, пьяная, живая.

Тир пошел по главной улице, если это можно было назвать улицей – широкому коридору, уставленному палатками и лотками. Торговцы зазывали покупателей, обещая небывалые скидки. Женщины в ярких платьях стояли у дверей заведений с табличками «Ночной клуб» и зазывно улыбались проходящим. Музыка лилась из каждого открытого входа, перебивая

друг друга, создавая какофонию, от которой у нормального человека должна была разболеться голова.

У Тира голова уже болела. Но это была хорошая боль. Живая.

– Эй, парень! – крикнул ему торговец с лотка, заваленного жареным мясом на палочках. – Выглядишь как с того света! Держи шашлык, задаром! Тебе мясо нужно!

Тир посмотрел на мясо. Оно и правда пахло вкусно. Желудок отозвался спазмом – он не помнил, когда ел в последний раз.

– Спасибо, – сказал он, беря палочку. – Сколько?

– Сказал же – задаром. – Торговец махнул рукой. – Ты, видать, из этих, из верхних. Инженер, да? У вас там, небось, одни таблетки вместо еды. Ешь давай.

Тир откусил. Мясо было горячим, острым, жирным – и невероятно вкусным. Он чуть не застонал от удовольствия.

– Спасибо, – повторил он с набитым ртом.

– Бывай, – усмехнулся торговец и переключился на следующего клиента.

Тир пошел дальше, жуя на ходу. Вкус мяса словно разбудил организм – мысли начали проясняться, силы возвращаться. Он оглядывался по сторонам, впитывая атмосферу, которую так долго игнорировал.

Вот группа рабочих в промасленных комбинезонах горланит песню у входа в бар. Вот двое спорят до хрипоты, размахивая руками, о том, чей корабль лучше – имперский или коалиционный. Вот компания молодых парней и девушек хохочет над голограммой какого-то комика. Вот старик с пустыми глазами сидит прямо на полу, прислонившись к стене, и пьет из бутылки, ни на что не обращая внимания. Жизнь. Простая, грубая, настоящая.

Тир нашел свободный столик в углу, у небольшого бара с вывеской «У Анны». Сел, заказал местного пива – просто чтобы было чем занять руки. Пиво принесли быстро, в большой кружке, с густой пеной. Тир отпил – кисловатое, но бодрит. Вокруг гудели разговоры.

– ...а я тебе говорю, они придумали новую пушку! Лазер, который режет корабли пополам с одного выстрела!

– Да брось, откуда ты знаешь?

– У меня свояк в лаборатории работает, он видел чертежи!

– Врёт твой свояк. Лазеры уже сто лет как есть, а чтобы корабль пополам – такого не бывает.

– Бывает! Я тебе точно говорю...

Тир улыбнулся в кружку. Лазер, режущий корабли. Мило. Технически невозможно, но мило.

– ...а слышал про новый двигатель? Говорят, до Коалиции за день долетать можно!

– За день? Врёшь!

– Честное слово! Там какой-то гений изобрел, говорят, молодой совсем...

– Гении не выживают на этой войне, парень. Гении быстро в могилу уходят.

Тир улыбнулся шире. Гений, изобретающий сверхбыстрые двигатели. Если бы он сам знал такого гения.

– ...а самое страшное оружие, – раздался пьяный голос от соседнего столика, – это то, которое с планетами работает. Слышали? Говорят, наши придумали, как целые миры взрывать!

За соседним столиком сидели трое – двое рабочих и одна женщина в форме младшего техника. Все изрядно выпившие.

– Целые миры? – переспросил один. – Это как?

– А так. Берут планету, сжимают в шарик и стреляют. Один выстрел – и нет вражеской системы.

– Чушь, – махнул рукой второй. – Нельзя планету сжать, она же развалится.

– А вот и можно! Ученые придумали!

– Какие ученые? Те, что наверху сидят и в потолок плюют? Они вообще ничего не придумывают, только бумажки пишут.

– Не скажи, – вступила женщина. – Я слышала, там один реально гениальный есть. Гойя, кажется. Молодой, но мозги – будь здоров.

Тир поперхнулся пивом.

– Гойя? – переспросил рабочий. – Это который из тех Гойев? Полковничий сын?

– Ага. Говорят, его отец из дома выгнал, а он теперь здесь, на верфях, корабли строит.

– И что построил?

– Да пока ничего. Но слухи ходят, что Совет ему самый важный проект доверил. Тот самый, с планетами.

– Везет же некоторым, – вздохнул рабочий. – Сидят в тепле, чертят, а мы тут горбатимся.

Тир отвернулся, чтобы не выдать себя. Слухи расползались быстрее, чем он думал. Значит, уже и на нижних уровнях знают про проект «Возмездие». Значит, скоро будут знать все.

– Эй, ты!

Тир поднял голову. Один из рабочих – крупный, с красным лицом и мутными глазами – смотрел прямо на него.

– Ты чего улыбаешься?

– Я? – Тир оглянулся, проверяя, не к кому-то другому обращаются. – Я не улыбался.

– Улыбался! Я видел! – Рабочий встал, покачиваясь. – Ты что, не веришь, что наши ученые могут оружие придумать? Патриот, называется!

– Я верю, – осторожно сказал Тир. – Я просто... задумался.

– Задумался он! – Рабочий шагнул к его столику. – Сидит тут, интеллигент хренов, в чистой одежде, и улыбается! Думаешь, ты лучше нас? Думаешь, раз наверху сидишь, то можешь смеяться над простыми рабочими?

– Я не смеюсь, – Тир поднялся, понимая, что разговор принимает опасный оборот. – Извините, если я вас чем-то обидел. Я просто хотел выпить пива и отдохнуть.

– Отдохнуть он хочет! – Рабочий схватил его за грудки. – А мы, значит, вкалывай за тебя? А ну, извиняйся по-настоящему!

Второй рабочий тоже поднялся, встал рядом с товарищем. Женщина осталась сидеть, с интересом наблюдая за происходящим.

Тир посмотрел на руку, сжимающую его одежду. Потом в глаза рабочему.

– Отпустите, – сказал он спокойно. – Пожалуйста.

– А то что? – Рабочий усмехнулся. – Позовешь своих ученых друзей?

– Я никого не буду звать. Просто отпустите, и мы разойдемся.

– А если не отпущу?

Тир вздохнул. Ситуация была дурацкой. Он, главный конструктор важнейшего проекта Империи, стоит в дешевом баре и пытается объяснить пьяному рабочему, что тот неправ. Абсурд.

– Эй, Борг, оставь парня, – раздался голос от стойки. Бармен, здоровенный мужчина с татуировками на руках, смотрел на них настороженно. – Он ничего тебе не сделал.

– Заткнись, – бросил рабочий, не оборачиваясь. – Не твое дело.

– Полицию позову.

– Зови. Я ничего не нарушаю. Просто разговариваю с приятелем.

Он дернул Тира на себя. Тир покачнулся, но устоял.

– Последний раз прошу, – сказал он тихо. – Отпустите.

– Ах ты...

Рабочий замахнулся, но Тир успел уклониться. Кулак просвистел в сантиметре от его уха. Второй рабочий, видя, что товарищ промахнулся, шагнул вперед и толкнул Тира в грудь. Тот отлетел к стене, ударился спиной, потемнело в глазах.

– Эй! – крикнул кто-то. – Прекратите!

– Полиция! – заорал бармен.

Тир попытался встать, но ноги не слушались – сказались сорок восемь дней без нормального питания и сна. Рабочие уже надвигались на него, и в их глазах было что-то нехорошее.

– Сейчас мы тебя научим уважать рабочих людей, – прорычал Борг.

И в этот момент что-то произошло. Рыжая молния метнулась откуда-то сбоку, врезалась в Борга, сбив его с ног. Второй рабочий охнул и схватился за голову – в него прилетела пустая кружка.

– Бежим! – раздался звонкий девичий голос.

Чья-то рука – маленькая, но сильная – схватила Тира за запястье и потащила прочь. Он побежал, сам не зная за кем, куда, зачем. Ноги наконец включились, адреналин ударил в кровь, разгоняя усталость.

Сзади слышались крики, топот, свистки полиции.

– Сюда! – девушка нырнула в какой-то проход между палатками. Тир за ней.

Узкий коридор, поворот, еще поворот, лестница вверх, потом вниз, снова коридор. Мелькали огни, лица, двери. Тир перестал ориентироваться, просто бежал за рыжим пятном впереди.

Наконец они выскочили в какой-то тупик, заставленный ящиками. Девушка остановилась, прижала палец к губам и прислушалась.

Сзади, вдали, стихали крики. Полиция, кажется, потеряла их.

– Чисто, – выдохнула девушка и повернулась к Тиру.

Она была молодой – лет восемнадцать-девятнадцать. Рыжие волосы, собранные в небрежный хвост, веснушки на носу, зеленые глаза, в которых плясали смешинки. Одежда – простая, рабочая, комбинезон, перепачканный чем-то техническим. На поясе – инструментальный пояс.

– Ты как? – спросила она. – Жив?

– Жив, – выдохнул Тир, пытаясь отдышаться. – Спасибо. Ты... зачем?

– А ты бы хотел, чтобы тебя отмутузили? – Она усмехнулась. – Я мимо проходила, увидела, как эти два придурка к тебе лезут. Не могла пройти мимо.

– Ты рисковала.

– Пустяки. – Она махнула рукой. – Я тут всех знаю. Борг – он вообще-то нормальный, просто когда напьется – дурак дураком. Завтра протрезвеет и даже не вспомнит.

Тир смотрел на нее и не мог поверить. Эта хрупкая девушка только что раскидала двух здоровенных мужиков и вытащила его из драки. И стояла сейчас, улыбаясь, как будто ничего особенного не случилось.

– Меня Тир, – сказал он, протягивая руку.

Она пожала. Рука у нее была твердая, с мозолями.

– А я Дакота. – Она прищурилась. – Тир? Случайно не тот Тир, про которого все говорят? Гой?

Тир замер.

– Откуда ты знаешь?

– Да тут все про тебя знают. – Дакота усмехнулась. – Главный конструктор проекта «Возмездие». Гений-инженер. Сын полковника, которого выгнали из дома. – Она пожала плечами. – Слухи ходят быстро.

Тир молчал, не зная, что ответить.

– Не бойся, – сказала Дакота. – Я не собираюсь тебя продавать журналистам. Просто... странно видеть тебя здесь. Думала, вы, гении, по барам не ходите.

– Я... – Тир запнулся. – Мне нужно было проветриться. Я застрял с проектом. Никак не могу найти решение.

– А, – понимающе кивнула Дакота. – Бывает. У рабочих на участке тоже иногда засада – деталь не лезет, схема не работает. Тогда идут в бар, выпивают кружку пива и забывают на час. Потом возвращаются – и всё получается.

– Работает?

– Всегда.

Тир посмотрел на нее. В темноте переулка, среди ящиков, она казалась каким-то сказочным существом – рыжим огоньком в сером металлическом мире.

– Спасибо, – сказал он еще раз. – Серьезно. Ты спасла меня.

– Пустяки, – повторила она. – Слушай, тут недалеко есть одно место. Тихий дворик, никто не ходит. Если хочешь посидеть, подумать в тишине – могу показать. Я там часто бываю, когда совсем достает. Тир колебался секунду.

– Покажи, – сказал он.

Дакота улыбнулась – широко, открыто, как улыбаются только очень молодые и очень смелые люди.

– Пошли.

Она нырнула в проход между ящиками. Тир за ней. Впереди ждала темнота, тишина и, может быть, ответы.

ГЛАВА 13. ЗВЕЗДЫ НАД СТАПЕЛЕМ

Они шли по бесконечным коридорам нижнего уровня, и Тир чувствовал, как с каждым шагом с него спадает тяжесть сорока восьми дней. Рыжая девушка шагала рядом легко, уверенно, будто всю жизнь провела в этих лабиринтах. Она не задавала лишних вопросов, не лезла в душу – просто говорила о том, о сем, и от этого было удивительно спокойно.

– ...а знаешь, почему рабочие так любят пить? – спросила она, ловко уворачиваясь от торчащей из стены трубы.

– Почему? – Тир действительно не знал. Для него алкоголь был просто жидкостью, которую иногда употребляют.

– Потому что без этого с ума сойдешь. – Она усмехнулась, но в голосе не было веселья. – Представь: ты приходишь в цех в семь утра. Выходишь в восемь вечера. И так каждый день. Грохот, жара, риск – чуть зазевался, и нет руки. А дома – койка двухъярусная, сосед храпит, душа нет, жратва из автомата. И так годами. Если не пить – начнешь думать. А если начнешь думать – повесишься.

Тир молчал. Он знал теорию, статистику, цифры. Но сейчас, услышав это от простой девушки в промасленном комбинезоне, он вдруг понял всё иначе.

– Ты поэтому пьешь? – спросил он.

– Я? – Она рассмеялась. – Нет, я не пью почти. Мне интересно жить. Я люблю смотреть на звезды, лазать по забытым уголкам, искать красивые места. – Она повернулась к нему, и в глазах заплясали огоньки. – Например, сейчас я покажу тебе кое-что. Только обещай, что никому не расскажешь.

– Обещаю.

– Тогда пошли.

Она свернула в проход, которого Тир даже не заметил – настолько он сливался со стеной. Узкая щель, потом труба, по которой пришлось лезть на четвереньках. Тир ругался про себя, цепляясь одеждой за выступы, но девушка двигалась вперед легко, как ящерица.

– Не отставай! – донеслось спереди.

– Стараюсь, – пропыхтел Тир.

Труба кончилась, началась система вентиляционных шахт. Они лезли вверх по скобам, потом вниз по лестнице, потом снова ползли. Тир потерял счет времени и направления. Ему

казалось, они забрели в самое сердце верфи, туда, где никогда не ступала нога нормального человека.

– Мы не заблудились? – спросил он, когда они остановились перед очередным лазом.

– Нет, – голос девушки звучал уверенно. – Я тут сто раз ходила. Еще немного.

Она нырнула в лаз. Тир за ней. И замер. Они стояли на небольшой скалистой площадке, нависающей над гигантской пустотой.

Внизу, на расстоянии, которое невозможно было оценить глазом, строился крейсер.

Он был огромен. Настолько огромен, что у Тира перехватило дыхание. Стапель, вмещающий эту машину, уходил в бесконечность – нижние секции терялись где-то в глубине, в искусственном тумане и свете прожекторов, а верхние уходили в космос. Прозрачный защитный купол над стапелем открывал прямой вид на звезды, и казалось, что корабль уже не на верфи, а в открытом космосе – величественный, прекрасный, живой.

Звезды висели над ним, как гирлянды. Темное небо, пронзенное тысячами огней, отражалось в полированной броне еще не достроенного корпуса. Рабочие внизу казались муравьями, снующими по гигантскому телу спящего зверя.

– Нравится? – тихо спросила девушка.

Тир не мог говорить. Он просто кивнул.

– Это мое тайное место, – сказала она, садясь на выступ и свешивая ноги в пропасть. – Я прихожу сюда, когда совсем тоскливо. Смотрю на корабли, на звезды и понимаю, что всё не зря.

Тир сел рядом. Свесил ноги. Посмотрел вниз, потом вверх, потом снова на корабль.

– Я никогда не видел ничего красивее, – сказал он наконец.

– Правда? – Она улыбнулась. – А я думала, вы, гении, на корабли как на чертежи смотрите. Цифры, расчеты, формулы...

– Смотрю. – Тир покачал головой. – Но это... это другое. Это живое.

– Оно и есть живое. – Она кивнула на крейсер. – В нем же люди будут. Тысячи людей. Они будут на нем воевать, жить, умирать. Он станет их домом, их защитой, их гробом иногда. Но пока строится – он просто мечта. Мечта инженеров, рабочих, конструкторов. Понимаешь?

– Понимаю, – тихо сказал Тир.

И вдруг, глядя на этот корабль, на эту громаду, уходящую в звезды, на эту красоту, созданную руками людей, он понял что-то еще.

Корабль был живым. Не метафорически. А буквально.

В нем было всё – скелет, мышцы, нервная система. Он дышал, он чувствовал, он реагировал на команды. Он был почти организмом. А что если сделать его настоящим организмом?

– Биокорабль, – прошептал Тир.

– Что? – девушка повернулась к нему.

– Биокорабль, – повторил он громче. – Не металл, не сталь – живая ткань. Выращенная, а не построенная. Собственная нервная система, способная адаптироваться к нагрузкам. Самовосстанавливающаяся броня. Органические двигатели, работающие на биохимии, а не на сжигании топлива. Ему не нужен эмириум! Он сам будет производить энергию! Он будет...

Тир вскочил. Мысли неслись с бешеной скоростью, обгоняя друг друга.

– Если использовать принципы симбиоза, можно соединить механику и органику! Нервные окончания пилота напрямую в систему управления – никаких задержек, никаких интерфейсов! Корабль будет чувствовать пилота, пилот будет чувствовать корабль! А броня – хитиновая, слоистая, как у насекомых, но в тысячу раз прочнее! И вес – минимальный! И скорость...

Он замолчал, потому что понял, что говорит слишком быстро и слишком громко.

Девушка смотрела на него с удивлением и восхищением.

– Ты... ты только что придумал новый корабль? Прямо сейчас?

– Я... – Тир перевел дух. – Я не знаю. Кажется, да. Идея. Просто идея. Но она... она работает. Я чувствую.

– Вау, – только и сказала она.

Тир стоял на краю площадки, над гигантским кораблем, под бесконечными звездами, и чувствовал, как внутри разгорается огонь. Тот самый огонь, который горел в нем в детстве, когда он придумывал первые механизмы. Тот самый, который погас за сорок восемь дней ада.

– Спасибо тебе, – сказал он, поворачиваясь к девушке. – Спасибо. Ты не представляешь, что ты для меня сделала.

– Я? – она удивилась. – Я ничего не делала. Просто показала тебе красивое место.

– Этого было достаточно. – Тир улыбнулся. Впервые за долгое время – искренне, широко, счастливо. – Ты подарила мне вдохновение. А это дороже любых расчетов.

Она смутилась. Отвела взгляд, уставилась на корабль внизу.

– Ну, рада, если помогла, – пробормотала она.

Они сидели еще долго. Говорили обо всем и ни о чем. О звездах, о войне, о жизни. Тир рассказывал о братьях – о Гое, который воюет, о Нанане, который летает на буксирах. Девушка слушала, кивала, иногда задавала вопросы. А потом рассказывала о себе – о работе, о родителях, погибших на войне, о мечтах когда-нибудь увидеть настоящий космос, не через бронестекло верфи.

Время текло незаметно. Тир забыл о чертежах, о проблемах, о тупике. Он просто был здесь и сейчас, с этим рыжим чудом, и ему было хорошо.

– Нам пора, – сказала наконец девушка, взглянув на старые механические часы на запястье. – Утром на работу.

Они полезли обратно. Тот же путь – трубы, шахты, лазы. Но теперь Тир не замечал трудностей. В голове крутились идеи, выстраивались цепочки расчетов, рождались чертежи.

На главной улице Вечернего квартала они остановились. Шум, свет, люди – всё вернулось, накрыло с головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.